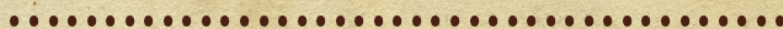

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ЭНТОНИ ГИЛБЕРТ

УБИЙСТВО
НА БРЕНДОН-СТРИТ

ВЫЖИТЬ
ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ

Золотой век английского детектива

Энтони Гилберт

**Убийство на Брендон-стрит.
Выжить тридцать дней**

«Издательство АСТ»

1942, 1943

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Гилберт Э.

Убийство на Брендон-стрит. Выжить тридцать дней /

Э. Гилберт — «Издательство АСТ», 1942, 1943 — (Золотой век английского детектива)

ISBN 978-5-17-107169-1

1940 год, немецкие самолеты бомбят Лондон, в городе введено затемнение – удачное время для убийцы богатой пожилой дамы, чтобы буквально раствориться в темноте... Но кто этот убийца? Помешанный на мистике племянник? Родственница убитой, жившая в доме на правах компаньонки? Экономка, души не чаявшая в хозяйке? Или ее молодой квартирант с крайне загадочной биографией? Артур Крук начинает расследование... Эверард Хоуп умер в собственном доме при весьма подозрительных обстоятельствах. Теперь родственники покойного жаждут заполучить его наследство, однако Эверард решил перед смертью жестоко пошутить: все его солидное состояние отойдет дальней кузине Дороти Кэппер... с условием, что она останется в живых в течение тридцати дней после оглашения завещания. С этой минуты покушения на несчастную женщину следуют одно за другим. И Артуру Круку приходится не только искать убийцу, но и защищать ни в чем не повинную Дороти от разгневанных кузенов Эверарда Хоупа...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-107169-1

© Гилберт Э., 1942, 1943

© Издательство АСТ, 1942, 1943

Содержание

Убийство на Брендон-стрит	7
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	42
Глава 5	53
Глава 6	64
Глава 7	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Ричард Олдингтон
Убийство на Брендон-стрит.
Выжить тридцать дней

© The Beneficiaries of the Estate of Lucy Malleon, 1942, 1943

© Перевод. И. Моничев, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Убийство на Брендон-стрит

Глава 1

*И многих взломщиков вернул я
Друзьям их и родным.*
Гилберт

I

Летом 1940 года самолеты «Люфтваффе» бомбили Лондон. Одна бомба упала в районе Эрлс-Корт, неподалеку от дома номер 1 на Брендон-стрит, где в просторной квартире жил известный адвокат мистер Артур Крук. Увидев повсюду груды обломков, битого стекла и щебня, перегородивших дорогу и оборвавших телефонные провода, обительница нижнего этажа поспешно собрала свои вещи и уехала из города. Съемщица квартиры номер 2 с самого начала войны в Лондоне не находилась, а поскольку арендную плату полагалось вносить в любом случае, риелторы недолго раздумывали и решили сдать помещение в субаренду. Однако вызывало сомнение, сумеют ли они найти другого жильца.

Двухуровневая квартира первого этажа, состоявшая из жилых комнат и цокальных помещений, сдавалась некоей мисс Берте Симмонс Фицпатрик, державшейся особняком и сторонившейся людей. Ради спасения Отечества она присоединилась к молчаливым помощникам Черчилля и начала беспощадную охоту на вражеских шпионов, обнаруживая их, замаскированных самым невероятным образом. Мисс Фицпатрик верила премьер-министру, когда тот заявлял, что они повсюду, и она едва бы удивилась, заметив, как один из диверсантов карабкается по стене спальни. Ее реакция на бомбежки оказалась вполне типичной для жителей Лондона. Собрав все ценное для себя, она переместилась в подвал, где и жила в окружении своих вещей, словно обительница подземелья, изредка выходявшая подышать свежим воздухом. Соседи ощущали ее присутствие благодаря постоянной игре на старой фисгармонии, которую она поставила у окна, чтобы наблюдать за всеми входящими в дом и выходящими из него, стремясь, чтобы у Сатаны не нашлось работы для праздных рук.

Во время бомбежек фисгармония становилась ее единственным утешением. Она громко и пылко провозгласила:

Ближе, Господь, к Тебе,
Ближе к Тебе,
Хотя бы из-за бомбы пришлось
Подняться мне.

А пока вокруг падали бомбы и на землю с грохотом рушились огромные куски кирпичных стен, этот новый вариант старого любимого гимна повергал в ужас набожную публику и веселил мистера Крука.

— Из нее вышла бы первоклассная преступница, — уважительно замечал он, но, к сожалению, симпатия не стала взаимной. Он совершенно точно знал, что мисс Фицпатрик относится к нему с глубочайшей подозрительностью, отмечая его приходы-уходы в тетради с обложкой с мраморным узором. В ней же фиксировались все передвижения в доме и вокруг него с рассвета

и до затемнения. Когда наступало время задерживать шторы и включать свет, она заканчивала свое добровольное дежурство.

Крук разговаривал с мисс Фицпатрик лишь однажды, когда она появилась на верхней ступеньке лестницы, ведущей в подвал, чтобы обозреть разрушения, которые в тот день оказались весьма значительными. Бомба разорвалась посередине находившейся неподалеку улицы, и осколки стекла и оконных рам были разбросаны вокруг. Крук приподнял свой неизменный коричневый котелок и бодрым тоном заметил:

– Прекрасная работа.

Однако мисс Фицпатрик не обратила на него ни малейшего внимания. Похожая на закутанную в шаль маленькую отшельницу с торчащими во все стороны, словно острые булавки, редкими прядками седых волос, она с подозрением разглядывала уполномоченного по противовоздушной обороне и пожарных в военной форме.

– Не мундир красит человека, – мрачно заметила она.

– Кое-кто из них без формы выглядел бы гораздо хуже, – предположил Крук.

Мисс Фицпатрик злобно взглянула на него поверх очков. Затем колючим, словно терка для мускатных орехов, голосом произнесла:

– Совершенно ясно, что кто-то сообщил им, куда бомбить.

После чего повернулась и зашаркала по ведущим в подвал ступеням к задней двери, напоминая растрепанного пингвина. Крук понял, что его подозревают в том, что он подает световые сигналы летящим в небе «Юнкерсам-88».

«Однако я никак не возьму в толк, с чего эта старуха вообразила, что мне хочется сыграть в ящик», – подумал он.

Мисс Фицпатрик расположилась у задней двери и наблюдала, как он поднимался по парадной лестнице.

– Вы живете на самом верху, – неожиданно прошипела она, как будто в темноте вдруг выстрелил выхваченный из кармана револьвер.

– Совершенно верно, мадам, – жизнерадостно согласился мистер Крук. – Если все мы попадем в Царство Небесное, приятно сознавать, что я ближе к нему и окажусь там первым.

Одной из отличительных черт Крука являлась его способность оказываться в нужном месте раньше других, что не вызывало добрых чувств у полиции, которой, естественно, не нравится, когда ее мнение опровергают, тем более какой-то дилетант.

Отношения мистера Крука с обитательницей подвала оставались такими же, пока загадочное происшествие с тетушкой Чайного Колпака не заставило жильцов общаться немного ближе.

Чайный Колпак, как прозвал его Крук, появился в доме в начале 1941 года. Ходили разговоры, что его прежнее жилище разбомбили, отчего мисс Фицпатрик возмущенно заявила, что он Джоуна, намекая этим на Иону, предвестника несчастий. Однако ни у кого из услышавших это, даже у Крука, не хватило духу возразить старухе. Новый жилец оказался еще более загадочной личностью, чем обитательница подвала. В первые месяцы Крук видел его изредка и ни разу с ним не разговаривал. Своей внешностью тот напоминал вопросительный знак с ореолом наверху: высокий, тощий и сутулый, всегда в большой широкополой черной фетровой шляпе, с неизменной стопкой разномастных бумаг под мышкой. У соседа была какая-то странная походка, наводившая окружающих на мысли, а не под хмельком ли он. Судя по количеству книг, привезенных им с собой, Чайный Колпак был ученой натурой. Крук пару раз встречался с ним утром на лестнице, когда выходил из дома, а старый книгочей направлялся в Британский музей, где, по-видимому, проводил весь день. Обычно Крук понимал, что тот вернулся, когда, возвращаясь вечером домой, видел неяркий синеватый свет в маленьком окне над входной дверью. Крук считал соседа безобидным и дружелюбным сумасшедшим, для кото-

рого Британский музей является неким преддверием рая, и заключил, что он едва ли может быть полезен честолюбивому человеку.

В чем на этот раз проницательный адвокат оказался совершенно не прав.

II

Однажды апрельским вечером случилось так, что Крук вернулся домой раньше обычного, примерно в восемь вечера. Неторопливо поднимаясь по лестнице, он заметил синеватый свет над дверью квартиры номер 3 и решил, что его сосед возвратился, как обычно. Проходя по изгибу лестницы на этаж выше, он внезапно остановился. Впереди из непроглядной темноты (рачительный владелец дома покрасил окна, сочтя, что это дешевле и надежнее, чем вешать светомаскировку) слышались странные звуки. Круку стало совершенно ясно, что кто-то неопытный пытается вломиться в его квартиру. Его острый слух уловил позвякивание неуклюже используемого инструмента. Явно развеселившись, он прислонился к стене и стал ждать дальнейшего развития событий.

– Я не из тех, кто портит веселье, – пробормотал он, – и если что-то должно произойти, то не надо это торопить.

Крука еще больше заинтриговал тот факт, что взломщик-дилетант или не расслышал его язвительного замечания, или же ждал, пока вновь прибывший поднимется этажом выше.

«Когда сомневаешься, жди ловушки», – напомнил себе Крук и подождал еще немного. В работе, самодовольно подумал он, главное – терпение.

Через две-три минуты невидимый взломщик со вздохом отступил от двери.

– Не открывается, – объявил он.

Словно актер, вступающий со своей репликой, Крук шагнул вперед.

– Возможно, я смогу помочь, – живо предложил он. – У меня есть ключ.

Призрак чуть повернулся на звук раздавшегося голоса. Никто из них не включил фонарь. Крук потому, что, как человек бывалый, неплохо видел в темноте, а взломщик оттого, что фонаря у него не было.

– Как любезно с вашей стороны, – отозвался тонкий старческий голос. – Мой отчего-то совсем не подходит.

«Вот это да! – подумал Крук. – Это же старикан с нижнего этажа».

Открыв дверь и распахнув ее широким жестом, он гостеприимно пригласил гостя в свое жилище, словно в Букингемский дворец. В неярком синеватом сиянии виднелся длинный коридор с неизменной вешалкой для шляп и потертым ковром. В нем не было ничего поразительного и уж тем более импозантного, однако то, что увидел старик, похоже, привело его в благоговейный ужас, граничащий с восторгом. Он походил, подумал Крук, на благородную, но смущенную хищную птицу, которых в цивилизованном обществе держат в клетках и берут с просвещенных персон по шиллингу за показ. У него были седые длинные волосы, лицо, обтянутое сухой кожей, высокий лоб, крючковатый нос, узкие строго сжатые губы. На старике по-прежнему красовалась широкополая черная шляпа в дополнение к очень длинному, изрядно поношенному пальто старомодного покроя, доходившему ему почти до лодыжек. И хотя соседа, казалось, охватило приятное удивление, в словах его не слышалось ни малейшей нотки смущения.

– Чрезвычайно любезно с вашей стороны, – трогательно поблагодарил он. – Вообразить себе не могу, почему мой ключ скрежетал в замке.

– Я вставил паркинсоновский замок, – весело ответил ему Крук. – Любой дилетант вскрыл бы тот, что установил наш хозяин. Наверное, от этого у вас и возникли трудности. Боюсь, что вы могли подхватить простуду, стоя на лестнице.

Пожилой господин, похоже, не слышал его. Весьма уверенно он протопал за хозяином в комнату, которую Крук называл гостиной. В этом квадратной формы помещении было не убрано, неуютно, повсюду громоздились книги, газеты и жесткие стулья. На окнах висели выцветшие занавески.

– Чувствуйте себя как дома, – пригласил он.

Если прихожая и коридор явно поразили старика, то вид этой комнаты дополнил ощущение чуда. Он стоял на пороге, глаза на непрезентабельную мебель. Двое мужчин представляли собой такой контраст, который и вообразить-то нелегко. Крук был в деловом костюме, в свободного покроя пиджаке и светло-коричневых брюках, которые ему очень нравились, а утонченные натуры сочли бы вульгарными. Коричневый котелок был почти надвинут на его крупный, резко очерченный нос, скрывая густые рыжие брови. Коричневые ботинки подошли бы скорее какому-нибудь гангстеру. Быстро подойдя к буфету, Крук достал две бутылки пива, но, повернувшись, чтобы предложить одну из них старику, обратил внимание на выражение его лица, – изумление сменилось полным восторгом, казалось, сосед вот-вот снизойдет до блаженного откровения. Старик просто не верил своему счастью.

– Великолепно, – с придыханием прошептал он. – Никогда бы в такое не поверил. И все же имеется неопровержимое доказательство. – Старик робко коснулся рукой книжного шкафа. – Совершенно прочный. Я обязательно должен написать об этом в журнал. Полагаю, существует лишь один подобный артефакт, но он официально не подтвержден.

– Так вы будете или нет? – терпеливо спросил Крук, держа в руках бутылки с пивом.

Старик наклонился, чтобы прочесть названия книг на ближайшей полке. Он украдкой протянул руку и вытащил одну из них. Там не было ничего, что могло бы заинтересовать ученого, но пожилой книголюб, казалось, совершенно увлекся.

– «Кровь на ступенях эшафота», – прочел он вслух и перевернул титульный лист. – Одна тысяча девятьсот тридцать восьмого года издания. – Он вопросительно посмотрел на Крука.

Крук улыбнулся, как ему показалось, ободряющей улыбкой. Билл Парсонс как-то сказал, что в прошлой жизни Крук, скорее всего, был крокодилом.

– Совершенно верно, – добродушно ответил он. – Год майского кризиса. Потому-то я ее и купил. Чтобы отвлечься.

– Год майского кризиса, – повторил его гость. – И... как же давно это было?

– В арифметике вы не очень сильны? – все так же добродушно предположил Крук. – Скажем, два с половиной года назад.

Старик тотчас же изменился в лице. Восторг начинал уступать место растерянности.

– Значит, сейчас по-прежнему сорок первый год.

– Спуститесь с небес на землю, – сказал Крук. – А какой же, по-вашему, еще?

К этому моменту он уже несколько не сомневался в том, что его гость сумасшедший, но не испытывал желания по этой причине избавляться от него. Крук знал, что у сумасшедших своя логика, а само безумие – в конечном итоге понятие относительное. Он решил выяснить причину присутствия здесь этого старикана и понять, что тот пытался передать своими высказываниями. Гость положил книгу и поднял голову с раздосадованным и озабоченным выражением на лице.

– Я просто не понимаю, – признался он. – На какое-то мгновение я поверил... и понадеялся... что могу являться привилегированным наблюдателем некоего эксперимента во времени. Но вот вы, сэр, что вы думаете по этому вопросу?

Крук моментально почувствовал себя в знакомой обстановке.

– На самом деле я никогда таких опытов не ставил, но знающие люди говорили мне, что дело тут в образовании. На входе вы можете вообще ничего не знать, но ко времени выхода есть лишь малая доля того, чему вы не смогли научиться. Не то чтобы все мои клиенты сидят, – торопливо добавил он. – Я лишь защищаю невиновных. Вот за это мне и платят, понимаете?

Его гость напоминал ребенка, которого внезапно предоставили самому себе на ярмарке игрушек. Он внимательно разглядывал одну вещь за другой. Все время, пока Крук говорил, его взгляд блуждал по комнате. Тем не менее он услышал сказанное, и когда Крук умолк, спросил:

– То есть... вы считаете, что не способны ошибаться? Интересно, очень интересно. Это, разумеется, во всей полноте поднимает вопрос о силе мысли, который, в свою очередь, неизбежно связан с моей теорией времени.

Он умолк, чтобы перевести дух, и Крук воспользовался этим, чтобы заявить:

– Не нужно всех этих штучек. Человеку всего-то и требуется, что совершать меньше ошибок и проявлять меньше доверчивости, чем сидящий в будке старикан.

У его гостя на мгновение отвисла челюсть, прежде чем он понял, что Крук имел в виду ведущего дело судью.

– Могу я вам сейчас оказать какую-нибудь небольшую любезность, так, по-дружески? – поинтересовался мистер Крук, блестя глазами, как канарейка. – Да не стесняйтесь, вам же так хотелось сюда попасть.

– А это столь странно в этот час? – возразил старик. – Естественно, я не предполагал здесь вашего присутствия и надеюсь, что вам не доставит неудобства тот факт, что в это мгновение, которое, возможно, не обязательно совпадает с вашим, я являюсь арендатором этого помещения.

Замысловатые ожидания и надежды Крука рухнули наземь столь внезапно, что он не удивился бы, если бы услышал грохот.

– Я вас понимаю, – разочарованно произнес он. – Вы считаете, что это ваша квартира, не так ли? Так вот, она не ваша. Она моя, Артура Крука – надежды преступников и кошмара судей.

– Ваша квартира? – От охватившего смятения лицо старика приняло совершенно нелепое выражение. – В таком случае, а где же моя?

– Там же, где и была, когда я проходил мимо нее пять минут назад и подумал, что вы у себя. Черт подери, однако это странно. Когда вы были там в последний раз, мистер...

– Моя фамилия Керси. Теодор Керси. – Он порылся в кармане и достал потрепанную визитную карточку.

– Мистер Т. Керси, – прочел вслух Крук и широко улыбнулся. – Бьюсь об заклад, что в школе вас звали Чайным Колпаком.

Мистер Керси немного смутился.

– Вообще-то да. Однако должен признаться, что я так и не смог уловить связи. Даже в детстве никто не был способен выявить какое-либо сходство между мной и этим весьма полезным, но объемным предметом домашнего обихода.

Он со вздохом оглядел свою худую фигуру.

– Ваша взяла, – сказал Крук. Он был, как уже говорилось, человеком терпеливым, однако всякому терпению есть предел. – Вы так и не ответили на мой вопрос. Когда вы в последний раз были в своей квартире?

– Я ушел, как обычно, около девяти часов утра. Моя... э-э-э... домработница приходит примерно тогда же, и ей не нравится, когда я нахожусь в доме, пока она убирается. Как правило, я возвращаюсь около шести, но сегодня несколько задержался оттого, что посетил конференцию по вопросу природы времени.

– Ну, тогда ваша служанка, очевидно, оставила включенным свет в коридоре, – вполне логично рассудил Крук. – Так обычно и случается.

– Мне показалось, – нервно добавил Чайный Колпак, – что я слышал в квартире какие-то звуки.

– Какие именно?

– Похожие на текущую воду.

– Она могла оставить открытым кран, – заверил его Крук. – Такое они тоже любят делать. Вскоре кто-нибудь изобретет автоматический кран, и тогда служанки вроде вашей и моей просто не смогут придумать, что бы им еще натворить. Не следует позволять таким мелочам мешать вам попасть домой.

– Вы неверно меня поняли, – возразил мистер Керси с такой трогательной гордостью в голосе, что она подействовала бы на менее бывалого человека, чем Крук. – Я настолько погрузился в свои мысли, что не заметил, насколько поднялся по лестнице, и поэтому одолел еще один марш, полагая, что подхожу к своей квартире.

– А меня вы, часом, ни с кем не путаете? – предположил Крук, но старый господин еще более смущенно покачал головой. Крук понял, что зря теряет время. Ему как-то в голову не пришло, что рассказ старого дуралея можно и не принимать на веру.

– На самом деле, – продолжал Керси, – я предполагал вернуться еще позже, но в итоге решил не оставаться на устраиваемый обществом ужин. Мне не очень хотелось принимать участие в этой части программы.

Когда старик говорил, он напоминал большую птицу, и Крук ждал, что тот вот-вот попросит тарелку гусениц, а на десерт – жирных червей. Он понимающе кивнул.

– Дел так много, а времени так мало, – согласился Крук, и у него создалось впечатление, что так говорил кто-то из великих писателей. И действительно, иногда даже поэты, наверное, выдают совершенные банальности.

– Что же до этого, – с жаром подхватил мистер Керси, – мы, если можно так выразиться, блуждаем в темноте. Не так давно вы неверно поняли мой вопрос касательно времени. Я, как и вы сами, есть духовное начало, движущееся по полям вечности. Сама же вечность подразумевает существование нескончаемого бытия.

Какое-то время он предавался оживленным рассуждениям, а Крук делал вид, что поглощен ходом его мыслей. Про себя же он подумал: старикан явно чокнутый, но никогда не знаешь наверняка. А когда выдалась возможность вставить словечко, Крук вернулся к самому началу разговора, сказав:

– Насчет горящего света. На втором этаже тоже никого не должно быть. Так что получается, или в вашем жилище находится некто посторонний, или же, как я уже говорил, свет остался гореть по вине вашей служанки.

– Собственно говоря, – пробормотал старик, – теперь я припоминаю. В коридоре была записка от миссис Дэвис, где говорилось, что она не сможет прийти сегодня утром, но надеется прийти завтра. Я заметил ее по чистой случайности – ведь письма приходят очень редко. Помоему, она сообщала, что у нее что-то с ногой.

– У этих женщин постоянно что-то случается с ногами, можно подумать, все они сороконожки, – искренне согласился Крук. – Так, а у кого еще есть ключ? Я так понимаю, что один у вас, а другой у нее...

Мистер Керси нерешительно обдумывал объяснение.

– На самом деле ключ ей оставляют под ковриком, и она возвращает его туда, когда уходит. Фактически это для моего же блага. Я несколько рассеян, – тут Крук напомнил себе о склонности британцев к преуменьшениям, – и вполне могу забыть взять с собой свой ключ. В этом случае я знаю, что найду под ковриком второй ключ.

– И что, срабатывает? – спросил Крук.

Чайный Колпак улыбнулся совершенно искренне.

– Тут даже двойная польза. Если я задерживаюсь, а кто-то в это время меня ждет, ему или ей остается лишь войти и дожидаться моего возвращения.

«Похоже, субъекту с таким отношением ко времени ничего не стоит заставить гостя ждать час или около того», – подумал Крук.

– Это может послужить объяснением, – добавил он вслух. – Если вы кого-нибудь ждете.

Но Чайный Колпак покачал головой.

– Уверяю вас, что не жду. Я вообще редко кого ожидаю.

– А неожиданных гостей у вас много? – напирал Крук, но ответ на свой вопрос он уже знал. Квартира Чайного Колпака – не то место, куда люди являются без приглашения.

Мистер Керси рассеянно улыбнулся. Крук изо всех сил старался сохранять терпение.

– Так вы не думаете, что вашей домработнице стало лучше и она решила зайти после обеда? – задал он следующий вопрос.

От этого безумного предположения глаза у Чайного Колпака чуть не вылезли из орбит.

– Я один из немногих, кто отрицает вероятность чуда, – заявил он, – но даже в этом случае...

– Я понял, – ответил Крук. – Сто к одному, что посетителей не было. Ну, тогда, похоже, у вас в квартире орудует некий злодей.

Но сам он не очень верил в эту версию. Крук считал, что Чайный Колпак сам оставил свет включенным.

Старик смотрел на него умоляющим взглядом.

– Если бы вы проявили великодушие, дабы помочь мне в моем расследовании... – робко начал он.

– С удовольствием, – ответил Крук, который всегда принимал вызовы. Он был на ногах с семи утра, но чувствовал себя свежим, а любопытством мог соперничать с прожженным шпионом.

– Это было бы чрезвычайно любезно с вашей стороны. Мне очень трудно поверить, что кому-то могло прийти в голову, что среди моих вещей есть чем поживиться. Несколько книг, наброски моей монографии о времени, однако...

– Никто не собирается переезжать на Парк-лейн по собственной прихоти, – пробормотал Крук, верно интерпретируя слова старика.

– И еще. Я пребываю в полной растерянности, сталкиваясь с представлением англичанина об американских диалектах. Хотя я получил классическое образование, однако...

В его голосе звучала уверенность, что даже классическое образование имеет свои пределы.

– Предоставьте это мне, – уверенно ответил Крук. – Я знаю с полдюжины языков, которые не распознает даже выпускник Оксфорда. Но сначала как насчет слегка освежиться? – И он снова указал на бутылки с пивом.

Чайный Колпак засомневался.

– А оно... восстанавливает силы? – поинтересовался он.

– Лучшее средство за эту цену, да что там, за любую цену, – с подъемом произнес Крук. Он разыскал стаканы и выступил в роли хозяина. Секунду спустя Крук в ужасе воскликнул: – Нет-нет! Это вам не портвейн и не шерри. Его не потягивают и не смакуют. Просто открываете рот и заливаете напиток в желудок. Вот так он действует лучше всего.

Словно в забытии, мистер Керси проделал все так, как ему велели. Затем с еще более потрясенным видом он взял свою черную широкополую шляпу и последовал за хозяином.

Крук весело запрыгал вниз по ступенькам. Дилетанта его манера глубоко бы разочаровала. Крук не напоминал человека, закутанного в плащ, бесшумно ступающего в полумраке и внезапно шепчущего: «Вот он, дорогой Уотсон». Не было здесь и намека на последующий подробный рассказ за трубкой с опиумом или под экзерсисы на скрипке. Крук скатывался по лестнице, словно мешок с углем.

– Люди высматривают то, что ожидают увидеть, – пояснил он. – Если за кем-то охотишься, тот примет как должное, что ты ступаешь, словно кошка. А если услышит грохот шагов, то не придаст этому значения, потому что сыщики и полисмены так не делают. «Раскрытие преступления за двенадцать уроков». Автор Артур Крук.

Дойдя до поворота лестничного марша, он заметил, что через окошко над дверью квартиры номер 3 по-прежнему пробивается синеватый свет. Это доказывало, что посторонний, кто бы он ни был, все еще находился в квартире. Хотя вряд ли у старика имелось что-то очень ценное, из-за чего стоило бы вламываться в квартиру.

Когда Крук запустил руку под коврик и нащупал там ключ, он понял, что мнимое таинственное происшествие есть сущий вздор. Но все же обследовал замок, светя себе фонарем, и обнаружил, как и ожидалось, что тот не взломан.

– И снова в неизвестность, – бравым тоном произнес Крук, выпрямляясь в полный рост и гадая: накроется в этот раз или нет? У него хватало воображения предполагать, что все это может оказаться замысловатой ловушкой. Он не был психологом, не мог раскрыть потаенные секреты человека, взглянув на его почерк. Крук знал, что поэт оказался прав, сказав, что мир не таков, каким он кажется. И хотя Чайный Колпак и выглядел безвредным дурнем, он вполне мог оказаться убийцей, диверсантом из пятой колонны или главарем банды отчаянных головорезов. Трудно поверить, но успех Крука в раскрытии преступлений отчасти обуславливался тем фактом, что он не верил в невозможное.

Вставив ключ в замок, Крук открыл дверь и вежливо подождал, пока в проеме покажется лицо или же туда влетит пуля. До него с опозданием дошло, что он мог бы выставить впереди себя Чайного Колпака. Крук знал, что все достается тому, кто умеет ждать, даже хороший удар по голове. Но казалось, что его час еще не настал.

– Вы опустили светомаскировку? – спросил он у своего невидимого спутника.

Старик просунул голову за плечо Крука.

– Э-э-э... кажется, нет, но, возможно, мой гость...

– Ладно, – подбодрил его Крук. – Будем надеяться на лучшее.

На мгновение Крук замер. Он утверждал, что обладает шестым чувством, предупреждающим его об опасности. Тот факт, что Крука несколько раз пытались убить и он дважды чудом избежал смерти, не поколебал его веры в собственное чутье. Крук говорил, что человек его профессии должен закаляться, идя на риск. Вот за это его клиенты ему и платили и, как он любил добавлять, «платили чертовски хорошо».

– Похоже, птичка упорхнула, – весело заметил он. – Пойдемте взглянем, что улетело вместе с ней.

В квартире было очень тихо, разве что вдалеке шумела вода. Никакого дыхания, кроме их собственного, ни предательского скрипа половиц или шуршания занавесок. Крук, прикрыв рукой фонарь, двинулся по коридору, как огромная черная кошка. За ним последовал Чайный Колпак, хрипя и свистя, как встревоженная лошадь.

Во всех дверях квартиры имелись застекленные проемы, так что самую мимолетную вспышку фонаря тотчас заметили бы. Но если в квартире кто-то и был, он вел себя чрезвычайно осторожно.

– Все, с меня хватит, – заявил Крук. – Все это напоминает мне дурацкую игру, кажется, «Убийство», да?

Чайный Колпак учтиво отозвался, что не знает – он никогда в нее не играл. Крук методично обследовал квартиру, попутно задерживая шторы, поскольку в те времена даже свет фонарика был чреват приводом в суд и штрафом в два фунта. Тем временем Чайный Колпак, изо всех сил пытаясь помочь, прошлепал на кухню и закрыл кран, из которого хлестала вода. Крук немного опоздал, чтобы помешать ему. На стене висел плакатик о патриотизме и расходе воды, из которого явствовало, что злодей, кто бы он ни был, лишен всяких добрых чувств.

– И вот что, – терпеливо произнес Крук. – Если на кране и были какие-то отпечатки пальцев, вы их смазали.

Чайный Колпак изумленно уставился на него.

– Значит, не надо было его трогать?

– Это уже неважно, – ответил Крук. – Сейчас я иду по его следу, и ему не мешает помощь, чтобы улизнуть.

Он направился в гостиную, выходившую окнами на улицу. Там шторы оказались наполовину задернутыми.

– Вы их утром так и оставили? – спросил Крук.

Мистер Керси с легкой нервозностью в голосе ответил, что не может точно припомнить. Крук снова заверил его, что это неважно. Похоже, для старика сегодняшнее утро так же далеко, как битва при Фермопилах, снисходительно подумал Крук, щелкая выключателем.

Никакого эффекта.

– Лампочка перегорела? – предположил Крук. Однако при тщательном осмотре выяснилось, что ее вывернули.

Вечер выдался темным, никакого лучика не проникало сквозь полуздернутые шторы, а неяркого освещения в коридоре не хватало, чтобы осветить темную комнату. Крук двигался быстро, но осторожно, хотя бояться не следовало. В гостиной не было никого, кто мог бы нанести ему хоть какой-то вред.

– Ну-с, – заметил он, поводя прикрытым ладонью фонарем от стены к стене. – Похоже, что... Вот черт! – Он сделал шаг назад и наступил Чайному Колпаку на обе ноги. Тот моментально извинился.

– Не за что, – ответил Крук. – Вы не сказали мне, что у вас тут дама. Или все же забыли о ней.

– Уверяю вас... – горячо начал мистер Керси, но мысли Крука были уже далеко.

– Возможно, она включила свет и... вымыла руки под краном – подумать только, я не заметил на кухне ни одного полотенца, – а потом устала вас ждать и заснула. В любом случае вот она.

Его фонарь осветил незабываемого вида шляпу, лежавшую на спинке кресла. Куполообразное сооружение из черного бархата, напоминающее Альберт-Холл, было украшено черным янтарем, маркизетом, цветами, тюлем и множеством маленьких черных бантиков, словно беззаботные бабочки, разбросанных по тулье и полям.

– Женщина? – повторил Чайный Колпак. В этот момент он мог сойти за дарвиниста, рассматривающего возможность существования еще одного исчезнувшего звена в эволюционной цепи.

– Итак, – вполне логично отреагировал Крук, – вы когда-нибудь знали мужчину, которого бы нашли мертвым в такой экстравагантной шляпе?

И тут же подумал, что его всем известное глубочайшее чувство такта на сей раз ему изменило.

Чайный Колпак уставился на него.

– Не хотите же вы сказать, что она...

– А разве я так сказал? – спросил Крук, понимая, что вполне мог это произнести секунд через пять.

Он тяжело затопал между стопками книг, рукописями и графиками, громоздившимися на столе, на стульях и на полу. За ним следовал Чайный Колпак, спотыкаясь на каждом шагу.

Один из девизов Крука гласил: «Надо встать пораньше, чтобы застать Крука». Но кто-то явно поднялся раньше его.

Они оба замерли как вкопанные перед пустым креслом.

– Мама моя родная! – каким-то странным голосом воскликнул Крук.

– Нет, – тихо отозвался Чайный Колпак, – это моя родная тетушка. Эту шляпу я ни с чем не спутаю.

Глава 2

Сначала отыщите факты, а потом можете исказить их, как вам заблагорассудится.

Марк Твен

Через несколько секунд к Круку вновь вернулась его обычная словоохотливость.

– Так вы говорите, что узнаете эту шляпу? – спросил он.

– Тетушка Клэр всегда утверждала, что она в каком-то роде неповторимая. По-моему, второй такой не существует.

– Ну похоже, у вас белая горячка, – заметил Крук, зачарованно разглядывая это чудовищное сооружение. – Расскажите-ка мне о вашей тетушке.

– Она очень независимый человек, – неуверенно начал мистер Керси. – Вообще-то мы с ней не очень часто видимся, однако тетушка оказалась столь добра, что проявила интерес к моей работе. Вы сами поймете, – чуть оживленнее добавил он, – что я занимаюсь исследованиями, которые не очень привлекают широкую публику. На самом деле я предлагал тетушке использовать часть ее средств для учреждения стипендии для изысканий именно в этой области науки.

– А средства у нее имеются, не так ли? – предположил Крук.

Чайный Колпак посмотрел на него несколько ошеломленно.

– Мне мало что известно. У тетушки Клэр есть дом за городом, однако, по правде сказать, мы никогда не обсуждали ее дела.

– А вы ее ожидали? – поинтересовался Крук.

– Я... видите ли, никогда ее не жду. Она приходит... и уходит.

– И забывает про свою шляпу, как барашки про свои хвостики. Или у вас есть какой-то особый язык? Означает ли эта шляпа «Позвони мне завтра в восемь часов»?

– Я просто не понимаю, как она могла ее забыть, – признался Чайный Колпак. – Могу лишь предположить, что тетушка Клэр дожидалась меня и... просто у нее вылетело из головы, что она сняла шляпу.

– А у вас в семействе все такие? – поинтересовался Крук не для того, чтобы поддеть собеседника, а из чистого любопытства.

– На самом деле я едва знаком с кем-то еще из своей родни. Похоже, есть двоюродный брат или сестра, которая живет у моей тети, но мы никогда не встречались. Моя работа держит меня в Лондоне, и у меня нет ни времени, ни желания отправиться отдыхать.

– Понимаю, – ответил Крук, – работа дает вам не только хлеб насущный, но еще и с маслом. А теперь постарайтесь ответить вот на какой вопрос. Ваша тетушка сообщала, что приедет вас навестить?

– О, нет, не думаю, – расплывчато ответил Чайный Колпак.

– Выходит, вы ее не ждали?

– Нет-нет, конечно, нет.

– А ей известно, что ключ всегда лежит под ковриком?

– О да, она об этом знает. Это мое непреложное правило, и я неуклонно придерживался его везде, где жил раньше. Здесь она меня еще не навещала.

– Похоже, дама она аккуратная, – заметил Крук. – Положила ключ туда, откуда взяла.

– Я полагаю, она обладает хорошей деловой смекалкой, – все так же неопределенно произнес Чайный Колпак.

– И все-таки, хотя мисс Керси не забыла про ключ, она напрочь забыла о шляпе. У вас есть какое-нибудь объяснение этому?

Чайный Колпак погладил вытянутый подбородок длинными нервными пальцами.

– Нет, ничего не идет на ум. – Внезапно он слегка приободрился. – Все, что я смог бы предложить, – это спросить у нее самой.

– Возможно, вы знаете, где она остановилась?

– У нее есть дом под названием «Павший лебедь» в местечке Кингс-Уиддоус.

Крук подозрительно поглядел на него.

– Вы что, меня разыгрываете? – спросил он. – Так дома не называют.

– Но ведь назвали же, – серьезным тоном ответил старик. – Я о лебеде в саду со сломанной ногой.

– Я вам верю, – произнес Крук с легкой горечью в голосе. – Итак, когда вы в последний раз видели мисс Керси? Ладно, спрошу по-другому. Давно ли вы в последний раз виделись с вашей тетушкой?

Старик поднял голову. В свете фонаря он теперь больше походил на черепаху, нежели на орла.

– Я затрудняюсь вам ответить, – озабоченно начал он. – Разделение времени на отрезки – весьма произвольный процесс для удовлетворения математического восприятия индивида. И, разумеется, для упрощения его жизненного опыта. Ни одно подобное разделение не может повлиять на истинное время. Вы, разумеется, как и я, сможете понять, что подобные отрезки имеют небольшое реальное значение. Они целиком зависят от обстоятельств. Год может промчаться словно миг, а день может показаться столетием.

– Как же вы правы! – вежливо согласился его спутник. У него возникло чувство, что он находится в одном замкнутом пространстве с мистером Керси по крайней мере пару дней, в то время как в действительности встреча и знакомство с ним состоялись час назад. – Теперь вот что. Вам известны какие-либо причины, по которым кто-либо хотел от нее избавиться?

– Я уверен, что у нее не было врагов, – виноватым тоном пробормотал Чайный Колпак.

– Не обольщайтесь, – посоветовал ему Крук. – Враги есть у всех: у вас, у меня, да у любого. Так вы сказали, что она женщина богатая?

– Полагаю, что она владела драгоценностями на значительную сумму, – ответил старик.

– Вы когда-нибудь их видели?

– Она никогда не предлагала мне взглянуть на них, а я не проявлял чрезмерного любопытства, чтобы выспросить о подробностях. Мне всегда представлялось непостижимым, что все эти разноцветные кусочки камней могут вызывать в сердцах такие бурные страсти. Даже при условии того, что красота есть великий учитель...

– Если кто-то когда-нибудь врежет вам по голове, я стану защищать его бесплатно, – с горечью пообещал Крук. – Послушайте, вы в состоянии уяснить своей головой: возможно, здесь что-то нечисто? Шляпы сами по себе не входят в двери, а пожилые дамы не выходят без них на улицу – если, конечно, она не прикупила по дороге последнюю парижскую модель.

Услышав подобные умозаключения, Чайный Колпак пришел в неподдельный ужас.

– Моя тетушка Клэр никогда бы этого не сделала, – заявил он.

– Уже теплее, да? – широко улыбнулся Крук. – Ну ладно, что вы предлагаете делать дальше? Поскольку, если незамедлительно что-нибудь не предпримете, кто-то может вас опередить.

Старик выглядел страшно пораженным.

– Вы ведь не полицию имеете в виду?

– Перестаньте вести себя как ребенок, – устало ответил Крук. – Мне нужно поддерживать свою репутацию, даже если в вашей ситуации нет ничего особенного. Вы серьезно не верите в то, что полиция только и ждет случая вроде этого, чтобы выставить меня на посмешище? Никогда не слышали, как профессиональные актрисы отзываются о начинающих? Так вот, верьте

мне на слово, они просто ангелы во плоти по сравнению с полицейскими, высказывающими свои мнения о дилетантах.

Крук подумал, что клиенты также не могли бы представить его стоящим рядом с этой невообразимой шляпой и рассыпавшего словеса перед пожилым недоумком в театрально затемненной комнате.

– Нет, на данном этапе мы их не станем тревожить, однако... родственные связи для вас ничего не значат? Вы не испытываете желания разыскать свою тетушку и убедиться, что с ней все хорошо?

Лицо Чайного Колпака выражало полное непонимание происходящего.

– Вы и вправду считаете это необходимым?

– Но вы же сами предложили такое недавно? – заметил Крук, чувствуя сейчас к убийцам больше симпатий, чем когда-либо в своей жизни.

– Но... сегодня вечером?

– А который сейчас час? Ладно, мне ясно, что вы часов не наблюдаете, однако я не столь чудаковат. – Он вытащил из жилетного кармана большие часы в форме луковицы и взглянул на них. – Девятый час вечера. Ну, может, немного поздновато: комендантский час и все такое. – Он задумался. – У вас есть телефон?

– В коридоре, – с готовностью ответил Чайный Колпак.

– Я не о вашем телефоне, а о ее.

– По-моему, у тетушки Клэр нет телефона. Она говорит, это именно тот случай, когда неудобства перевешивают достоинства.

– Легко убедиться, что ей не приходится зарабатывать себе на хлеб. Ну, похоже на то, что нам придется подождать до утра. – Крук посветил фонарем в потолок. – Кстати, о лампочке. Это вы ее вывернули?

Чайный Колпак сделался очень озадаченным.

– Я точно помню, что прошлым вечером читал в этой комнате, – ответил он. – И, разумеется, не выворачивал лампочку. Все это очень странно.

– Вы ее пока не вворачивайте. Там могут оказаться отпечатки пальцев. – Крук осветил фонарем всю комнату. – Так-так-так! – продолжил он. – Вы что, никогда не просматриваете корреспонденцию? – Крук кивнул в сторону письма, лежавшего поверх стопки газет на небольшом столике.

Чайный Колпак шагнул к нему.

– Просто поразительно!

Он взял в руку лежавший на газете конверт. Представлялось совершенно очевидным, что у старика не было интереса не только к почте, но и к текущим событиям в мире, поскольку газета хотя и была свежая, но ее даже не разворачивали.

– Вот это, – удивленным тоном объявил он, – поразительно напоминает почерк моей тетушки.

– Выходит, что она, возможно, ожидала встречи с вами. – Крук смотрел, как старик неуклюже возится с клапаном конверта. – Когда оно написано?

– Третьего числа, – ответил Чайный Колпак, глядя на листок бумаги.

– А когда доставлено?

– Когда меня не было дома, – простодушно произнес Чайный Колпак.

– Сегодня? Давайте-ка взглянем на штемпель.

Печать оказалась толстой и смазанной, как будто молоточек заскользил, однако Крук, имевший в этом немалый опыт, разобрал дату «3 апреля» и достаточно букв, чтобы убедиться, что письмо отправлено из Кингс-Уиддоус. Время отправки разглядеть не удалось.

– Итак, – произнес Крук, – о чем это нам говорит, кроме того, что доставлено оно, очевидно, пару дней назад и на него не обратили внимания?

Чайный Колпак любезно кивнул.

– Осмелюсь заметить, что, как правило, миссис Дэвис кладет все пришедшие письма у часов, которые здесь оставил прежний жилец, но на сей раз она, очевидно, забыла и оставила конверт на столике. Оставь она письмо на обычном месте, – с серьезным видом добавил старик, – я бы, разумеется, заметил его. Как бы то ни было, но если бы не ваше счастливое вторжение, оно так и пролежало бы там без внимания много дней. – Он потер руки и довольно улыбнулся. – Теперь все очень просто объясняется.

Крук ощутил легкую слабость.

– Расскажите-ка мне, – предложил он.

– Тетушка Клэр желала предупредить меня о своем визите. Вот ее письмо. Из-за вздорного стечения обстоятельств его не распечатали, так что я оставался в неведении о ее намерениях. Она приехала, когда я отсутствовал, очевидно, подождала меня немного, а потом ушла, оставив шляпу как знак своего визита.

– И часто она такое проделывает? – спросил Крук, искренне заинтересовавшись. – Может, куда проще было оставить записку?

– Это не очень-то в ее характере, – заверил его Чайный Колпак.

– У нее, очевидно, очень много шляп.

– О, нет. – Чайный Колпак, похоже, снова выглядел совершенно счастливым. – Это неслыханно, чтобы кто-то не успел или не смог встретиться с тетушкой Клэр. Она, наверное, упоминет об этом в мемуарах, которые часто обещает написать.

– И что же, – терпеливо спросил Крук, – ваша тетушка пишет в этом письме?

Чайный Колпак взглянул на листок, который держал в руке.

– Что нанесет мне визит в три часа седьмого апреля.

– И все?

– Она пишет, что дело весьма важное.

– Тетушка сообщает, где остановится?

– Боже мой! – воскликнул старик. – До чего же умно... мне бы и в голову... – Чайный Колпак перевернул листок вверх ногами. – Гостиница «Варбург-Корт», – объявил он, вновь переворачивая лист. – Она рассчитывала приехать сегодня утром.

– Номер телефона там есть?

– Телефонный номер? Я едва ли...

Крук, испытывая солидарность с ревнителями прогресса, выступающими за безболезненное уничтожение безумцев, отобрал у него письмо.

– Паддингтон 00991. Ну что, позвоним?

– В такой поздний час?

– Я знаю, что лучше бы завтра утром, – с нарочитой учтивостью согласился Крук, – но сейчас всего лишь около девяти вечера. Ведь вы сможете извиниться за то, что вас не было дома.

– Если вы считаете это необходимым...

– Не знаю, что уж там необходимо, но я просто сгораю от любопытства, что она имела в виду, оставив здесь свою шляпу.

Чайный Колпак дружелюбно улыбнулся в ответ. Крук, подавляя совершенно естественную реакцию, выскочил в коридор и снял телефонную трубку.

– Гостиница «Варбург-Корт», – послышалось на том конце провода.

– Соедините меня с мисс Керси, – быстро проговорил Крук.

Последовала пауза, затем продолжительное гудение, говорившее о том, что звонили в номер. Через какое-то время шум прекратился, и все тот же голос сообщил Крку:

– Номер мисс Керси не отвечает.

– Тогда вызовите ее по громкой связи, – потребовал Крук. – Дело неотложное. Я адвокат.

Однако, как он и предполагал, после долгого ожидания его уведомили, что мисс Керси, по всей видимости, нет в гостинице.

– Она, наверное, принимает ванну, – находчиво предположил Крук.

– Телефон к ванной не подключен, – ледяным тоном ответил клерк.

– Найдите ее горничную и спросите, видели ли эту даму после пятичасового чая. Разыщите ее официанта и узнайте, ужинала ли она в гостинице. Нет, не говорите мне, что он уже сменился. Даже если официант умчался в Галифакс, все равно отыщите его.

Крук отложил трубку в сторону, не обращая внимания на вежливые протесты клерка.

– Плохо дело, – заметил он Чайному Колпаку, стоявшему в дверях и наблюдавшему за ним со снисходительным интересом, словно зоолог-исследователь.

– Возможно, она отправилась в театр, – предположил Чайный Колпак.

– Тогда разве мисс Керси не попросила бы служащих гостиницы зарезервировать ей билет? Кстати, сколько лет вашей тетушке?

– Вообще-то она всего лишь на несколько лет старше меня. Мне шестьдесят восемь, а ей, кажется, лет на десять больше. В сравнении, ну, вы понимаете...

– Да, да, да, – быстро проговорил Крук, заметив, как блаженное выражение вновь появилось на старческом лице. «Интересно, понимает ли он хоть что-то о времени? – подумал Крук в ожидании ответа. – Скажи он, что ему восемьдесят, я бы охотно ему поверил».

– Она полностью в здравом уме и твердой памяти, – учтиво произнес старик, и прежде чем Крук сумел добавить, что тетушка трезва в куда большей степени, чем ее племянник, на другом конце линии раздался голос клерка, сказавший, что мисс Керси в отеле не ужинала.

– Она никому ничего не просила передать на случай, если ей позвонят?

– По всей видимости, нет, – ответил клерк.

Крук швырнул трубку на рычаг.

– Похоже, что портье там у них за стойкой – настоящая старая развалина, – заявил он. – С рыбьими глазами и всем прочим. Ладно, повторим попытку чуть позже.

Крук задумчиво оглядел своего спутника. Тот вовсе не выглядел обеспокоенным или взволнованным, ведь он жил, настолько глубоко погрузившись в свой мир, что мысли о насущных делах вообще не приходили ему в голову. Позвонив чуть позже, Крук убедился, что мисс Керси по-прежнему отсутствует. Тогда он решил, что на сегодня хватит. В конце концов, у пожилых дам встречается весьма странное чувство юмора, и мисс Керси, вероятно, чрезвычайно забавляют мысли о страшно переживающем племяннике, старающемся с ней связаться. Вполне возможно, что все это время она довольно хихикала себе под нос, находясь в гостинице «Варбург-Корт».

– А может, она предводительница банды или делец на черном рынке. Никогда ведь точно не знаешь.

Его опыт доказывал, что, каким бы умным ты ни был, редко когда удастся предусмотреть все случайности.

Он договорился с Чайным Колпаком с утра отправиться в гостиницу. Верно, до старухи ему не было особого дела, но все же существовали некие сомнения касательно ее судьбы. А предоставленный самому себе пожилой господин с большой вероятностью мог отправить себя в другое столетие и забыть, что мисс Керси существует.

– Я зайду за вами в девять тридцать, – твердым тоном сказал ему Крук. – Ничего здесь не трогайте – ни к лампочке, ни к чему вообще не прикасайтесь. Кстати, где вы предполагаете сегодня ночью лечь спать?

– По-моему, в моей комнате никого нет, – предположил Чайный Колпак.

– Вы не боитесь встретиться с призраком? Ах да, совсем забыл. Вы, похоже, не верите в них, а если бы и верили, то воспользовались бы случаем встретиться с привидением и приятно с ним поболтать о философии и теории времени. – Крук направился к двери. – Вот интересно, –

продолжил он, поразившись свежей мысли, – смогла бы нам помочь Берта Симмонс Фицпатрик? Она наверняка была неподалеку, если что-то и происходило. Любопытная старуха, это уж точно. Джентльмены могут развлекаться в Царствии Небесном, однако они пропускают много интересного на грешной земле.

В нем забурился какой-то азарт. Дело необычное, безумное, оно может оказаться полной пустышкой или смертельной ловушкой. При наличии подобных вариантов оно явно обещает быть интересным.

– И запомните, – были его последние слова, произнесенные на пороге при неземном синеватом сиянии, – ничего не трогайте и будьте готовы ровно к девяти тридцати.

Прощаясь, Чайный Колпак протянул свою длинную суховатую руку. Она казалась такой хрупкой, что можно было подумать, что при соприкосновении со здоровой лапищей Крука затрещат кости.

– И не переносите мысли в середину следующей недели до того, как я вернусь, – посоветовал Крук и, посмеявшись собственной шутке, затопал наверх по обшарпанным ступеням.

Огибая поворот лестницы, он услышал, как в квартире внизу неуверенно накиннули щеколду, а секундой позже часы пробили половину часа.

Как только Крук захлопнул за собой входную дверь, вся его невозмутимость мгновенно улетучилась.

– Не нравится мне все это, – признался он себе. – Если это розыгрыш, то его устроил человек с весьма странным складом ума. Разумеется, если это окажется работой для полиции, то тогда неприятностей не оберешься. Полицейские захотят знать, почему их не поставили в известность с самого начала. А если я заявлюсь к ним и скажу, что чую неладное, потому что в холостяцкой квартире обнаружилась дамская шляпа, а дамы нет, то они животики надорвут от смеха.

Во всем этом деле присутствовал какой-то элемент необычности, который постоянно отвлекал его внимание. У Крука была другая работа, однако вновь и вновь он переносился мыслями в ту призрачную темную комнату с невероятного вида шляпой на спинке кресла. «Все подстроено? – спрашивал он себя. – Шляпу положили туда, чтобы ввести в заблуждение третью сторону? А если так, то, черт подери, что за всем этим кроется? Является ли Чайный Колпак только с виду добродушным помешанным или же меня обвели вокруг пальца?» Убедительных ответов Крук так и не нашел.

Было уже за полночь, когда он отложил бумаги и подошел к окну небольшой комнатки, которую хозяин дома называл гостевой спальней, хотя в ней можно было поместить лишь собачку-пекинеса. Крук даже не удосужился повесить шторы светомаскировки в этой комнате. Стояла темная ночь без единого огонька вокруг. Сюда не доходил даже свет уличных фонарей. На черном небе не было ни звезд, ни месяца. В кои-то веки Гитлер дал Лондону передышку или же бросил всю авиацию на бомбежку других мест. Воздух был очень холодный и какой-то вязкий.

– Прекрасная ночь для того, чтобы обчистить витрину магазина и смыться, – заметил Крук. – Или для убийства, если уж на то пошло.

Перед его внутренним взором, бесстрастным, но настойчивым, предстали картины темных берегов реки, пустых домов, где никто не услышит криков, глухих улочек и переулков, где тело может пролежать целые сутки, прежде чем его обнаружат. Он вдруг осознал, что думает о пожилой мисс Керси. Возможно, она лежит где-нибудь под зловещим покровом ночи. Крук вспомнил ярость, охватившую его в прошлом году, когда он разыскивал Лауру Верити, и страх, что может опоздать. Вот и теперь Крук испытывал похожее нетерпение.

– У меня уже галлюцинации начинаются, – с отвращением сказал Крук самому себе и прямоком отправился спать.

Заснул он, как обычно, сразу, но проснулся посреди ночи с чувством еще большего нетерпения и тревоги. Крук знал, что в ночные часы человек превращается в дурака, которого одолевают вздорные страхи и видения, порожденные тьмой. И тем не менее он был убежден, что его разбудил какой-то непонятный звук. Крук лежал не шевелясь, пытаясь по памяти определить его, но не приходило никаких мыслей, не было ни малейшего успокоения. Звук мог быть вызван шагами человека где-то снаружи, поворачиваемой дверной ручкой или шумом на улице. Он посмотрел на лежавшие под подушкой часы. Они показывали четыре. Проснись Крук на пять минут раньше, весь ход дела мог бы измениться.

Но так или иначе он лишь пробормотал:

– Осталось еще три часа!

После чего снова уснул.

Женщина, убиравшая у него в квартире, пришла в семь тридцать, а почту принесли в восемь. К восьми тридцати Крук закончил завтракать, а в восемь сорок пять уже говорил по телефону с Биллом Парсонсом. В двадцать пять минут десятого он поправил на голове котелок, наполнил портсигар и спустился этажом ниже. Он слышал, как в квартире заливается электрический звонок, и улыбнулся при мысли о предстоящем ему дне. Он уже забыл о беспокойстве, охватившем его ночью.

Крук раздумывал о тетушке Чайного Колпака. Она, в чем Крук был убежден, снова посетит Кингс-Уиддоус, а если ее там не окажется, то он столкнется с новым преступлением.

Крук позвонил дважды, прежде чем кто-то откликнулся. Дверь стремительно распахнулась, и он оказался лицом к лицу с агрессивного вида женщиной. На ней был разноцветный передник домашнего пошива и подвернутые резиновые сапоги с холщовым верхом. В углу рта торчала недокуренная сигарета.

Крук уставился на нее.

– Что-нибудь нужно? – спросила женщина, не вынимая изо рта сигареты.

– Мистер Керси дома? – кротко спросил Крук.

– Ушел, – ответила женщина.

– Уже?! – воскликнул Крук.

– Я же вам сказала, – отрезала женщина.

– Худший из всех одержимых временем, – непринужденно заметил Крук. – Никакого осознания, что назначена встреча. А он, случаем, не обмолвился, куда направляется?

– Он ушел до моего прихода, – заявила женщина, начиная закрывать дверь.

– Ну же, ну же, Боудикка, – запротестовал Крук, просовывая в проем ногу в большом, до блеска начищенном коричневом ботинке. – Не надо так спешить.

– Вы еще меня и обзываете? – изумилась женщина.

– Она была королевой бриттов, – ответил Крук.

– Впервые о ней слышу, – фыркнула женщина, принявшись выдавливать из проема ботинок Крука.

– У меня на девять тридцать назначена встреча с мистером Керси, – объяснил Крук.

– Ну-ну, надейтесь, – ответила женщина.

Крук нахмурился.

– Послушайте, – начал он, – вы уже прошли по гостинной?

– Я вам что, танк Гитлера? – огрызнулась та.

Крук не стал больше терять времени. Он вдруг рывком протиснул в прихожую свое худощавое крепкое тело.

– Убирайтесь или я закричу! – пригрозила женщина.

Крук широко улыбнулся.

– Вам никто не поверит, милочка, – заверил он ее, открывая дверь справа от себя. Шторы светомаскировки были немного отдернуты, и когда Крук приложил ладонь к выключателю, сразу же зажегся свет.

– Кто ввернул лампочку на место? – строго спросил Крук.

– Конечно, я. А что, я в темноте должна видеть?

Адвокат оглядел комнату. Кресло, на котором прошлым вечером находилась шляпа, придвинули на подходящее ему место у камина. В гостиной наскоро прибрались. И нигде никаких следов шляпы.

– Куда вы ее положили? – спросил он, бросив взгляд через плечо.

– Что положила?

– Шляпу.

– Уж если вы меня спрашиваете, – холодно отозвалась женщина, – то он, скорее всего, в ней и ушел. У него только одна шляпа и есть.

– Я имею в виду дамскую шляпу, – поправил ее Крук.

Он заметил, как женщина каменеет лицом.

– Адресом не ошиблись, а? Это приличный дом.

– Большая черная шляпа, украшенная всякими штучками, – терпеливо объяснил Крук. – Уж если какую шляпу и можно назвать респектабельной, то именно эту.

– Постыдились бы лучше, – с праведным гневом в голосе произнесла женщина. – Если бы я не заметила ничего подобного даже ночью, то бросила бы выпивать. – Она с упреком взглянула на него. – Ну что, пора полицию вызывать?

– На вашем месте я бы повременил, – задумчиво сказал Крук. – Вас выставят настоящим посмешищем, если это окажется розыгрышем. Однако это ничто, – прибавил он, – по сравнению с тем, каким идиотом буду выглядеть я.

Крук медленно прошелся по комнате. Вдруг он нагнулся и поднял то, что второпях пропустила домработница.

Это был маленький черный бархатный бантик.

– Ну что же, это доказывает, что я не спятил, – с облегчением сказал Крук самому себе. – А то уж начал сомневаться. – Он вернулся к двери. – До скорой встречи, – произнес он и вышел из квартиры.

Когда он со всех ног бежал по лестнице к подвалу, вслед ему прозвучал голос домработницы Чайного Колпака.

– После дождичка в четверг! – взвизгнула она.

Крук, умевший получать удовольствие от всего, кроме какао, снова улыбнулся. Чтобы добраться до подвала, ему пришлось спуститься по лестнице и выйти на улицу, а потом одолеть несколько ступенек до задней двери дома. Все подвальные окна были тщательно зашторены плотными кружевными занавесками и защищались жуткими на вид штырями. Посередине окна в позолоченной клетке прыгала канарейка. На небольшом клочке земли перед окнами мисс Фицпатрик высадила огненно-красную фасоль, чьи длинные побеги расползлись во все стороны.

«У нее в комнате маловато света», – подумал Крук, но когда вошел внутрь, он понял, что заросли овощных посадок под окнами не играли особой роли. Там было так много мебели, картин и совершенно фантастических драпировок в каждом углу, что для света просто не оставалось места. Когда он остановился у двери и прислушался, до него долетели звуки ревущей фисгармонии.

Звучал гимн «Пребудь со мною».

Крук забарабанил в заднюю дверь, и когда его зов остался без ответа, а внутри даже не убавили звук, он принялся стучать в окно. На этот раз ему сопутствовала удача. Музыка внезапно оборвалась, мисс Фицпатрик сползла с табурета и посмотрела сквозь баррикаду из

швейцарских кружев на нарушителя ее спокойствия. При виде Крук у нее отвисла челюсть, и старуха неистово замотала головой. Крук кивнул. Мисс Фицпатрик замахала на него обеими руками. Крук в дружелюбном приветствии взмахнул ладонью. Двое посыльных и боец противовоздушной обороны остановились посмотреть на забавное зрелище. Крук не обращал на них ни малейшего внимания. Канарейка, явно раздосадованная тем, что музыка кончилась, разразилась своей песней в тональности си-бемоль. Голос с улицы громко объявил, что эта канарейка на самом деле обычный воробей.

Словно играя какую-то роль, мисс Фицпатрик вышла из комнаты и открыла заднюю дверь.

– Что вам нужно? – строго спросила она.

– Не могли бы вы мне помочь? – отозвался Крук.

– Постыдились бы, – гневно заявила мисс Фицпатрик. – В вашем-то возрасте попрошайничать. На что собираете?

– Вас интересует убийство? – спросил мистер Крук.

– Ваше? – уточнила мисс Фицпатрик.

– Очень может быть, – признался мистер Крук.

– Тогда заходите, – неожиданно пригласила старуха.

– Вижу, мы с вами пойдем друг друга, – сказал мистер Крук и последовал за ней по темному коридору.

Комната, куда она его провела, была настолько забита мебелью, что он с трудом разыскал стул, чтобы присесть. Вплотную к одной из стен примыкала огромная и страшноватая картина с изображением Биг-Бена, только часы на башне были настоящие. Однако они не работали, стрелки замерли на 11:50. В комнате имелось еще четверо часов, из которых шли только одни, да и то неверно.

Крук понимающе кивнул.

– Вам непременно надо познакомиться с Чайным Колпаком, – сказал он. – Вы с ним моментально подружитесь. У вас одинаковые точки зрения на время.

– Если вы на что-то собираете, – угрожающе произнесла мисс Фицпатрик, – то я не подаю, тем более в своем доме. Чем больше людей следовали бы моему примеру, тем меньше было бы убийств.

– И логика у вас с ним тоже примерно одинаковая, – одобрительно заметил мистер Крук.

Он швырнул свой коричневый котелок на стол между горбушкой хлеба и пакетиком с кормом для птиц.

– Вот это да! – восхищенно заметил он. – Какая у вас прелестная вещица.

Он показал на огромный вышитый текст, висевший в рамке на противоположной стене.

– «Стучите, и отворят вам», – прочел он. – Вам непременно нужно повесить его снаружи.

Мисс Фицпатрик выглядела уязвленной.

– Наш район уже и так стал хуже некуда, – сурово заключила она, – даже без подобных призывов. Иногда мне остается лишь гадать, что же это за дом на самом деле.

– Прямо на глазах деградирует, – согласился Крук, выставя свой огромный кулак. – Я тоже теряюсь в догадках. И все же вы можете мне кое-что сообщить. В какое время вчера приходила пожилая дама?

Мисс Фицпатрик уставилась на него.

– Не было никакой пожилой дамы.

– Вы, наверное, задремали, да? А я думал, что вы всегда на посту.

– Да, на посту, но только пока светло. Если ваша знакомая приходила, это было после затемнения.

– Нет, не думаю, – возразил Крук.

– Ну, никакой незнакомец не входил в дом вчера днем, кроме девушки, интересовавшейся квартирой на втором этаже.

– И что же это за девушка?

– Сейчас расскажу. Она пришла взглянуть на квартиру на втором этаже. Ее дом разбомбили, как и у старика в шляпе с третьего этажа. Сказала, что работает в министерстве секретного снабжения, а спит, если вообще спит, в бомбоубежище на Пиман-роуд. Показалась мне миленькой девчушкой, хотя с виду никогда точно не определишь. Сказала, что все вроде бы ничего, но как-то ужасающе.

Крук почувствовал, что хладнокровие начинает ему изменять.

– Похоже, ей не так-то трудно угодить, – предположил он.

У него создалось впечатление, что он мог бы сотворить мир за то время, пока выуживал информацию у людей вроде Чайного Колпака и Отшельницы.

– Я в том смысле, что девушке понравилась квартира, но последняя ее обительница оставила все в таком жутком беспорядке, везде обломки старой мебели, обрывки картин и прочий хлам. Она спустилась спросить, знаю ли я, что это была за дама, но мне, конечно, ничего не известно. И вообще, ту женщину я бы никогда не назвала дамой. Грязнуля, как я всегда и говорила. Ну скажите, позволила бы дама тому человеку выгнать себя из собственного дома?

– У нее не было вашей силы духа, – предположил Крук.

– Я вам так скажу, – воинственным тоном продолжала мисс Фицпатрик. – Гитлер может покорить всю Европу, но из моего дома ему меня не выжить, это я вам обещаю.

– А что заставило девушку явиться сюда?

– Я вышла постоять у порога, а она спускалась по лестнице и спросила, известно ли мне... ну, об этом я уже говорила. Миленькая такая девчушка: голубые глаза, светлые волосы, коротенькое синее пальтишко, и голова шарфом закутана. Я посоветовала ей уведомить агентов по недвижимости. Заметьте, я не стала бы спать не в отдельной квартире, пусть бы даже она и сдавалась за гроши.

Крук подумал о трех обитателях дома. Вряд ли можно представить себе, что Чайный Колпак или мисс Фицпатрик немного подворовывали на стороне.

Старуха внезапно хохотнула.

– Одно вот меня рассмешило. Я предложила девушке выпить со мной чаю – ну, время подходило к трем часам, – и она рассказала мне о квартирах, которые осматривала. Как только девушка вошла в ту, что в нашем доме, сразу же перепугалась. Отовсюду она слышала какое-то нашептывание и подергивание. Похоже, звуки доносились из большой комнаты у входа, но когда она открыла дверь, а там была сплошная темень, то шум внезапно прекратился. Вы можете себе представить, что это было?

– Постараюсь, – учтиво ответил Крук.

– Кто-то оставил на подоконнике рулон бумаги, и ветер его развернул. Вот ведь ужас-то. Шур, шур, шур – как мыши или что похуже. Да, и еще там была картина с язычниками-китайцами, тоже страх один, как она мне сказала.

– И долго она здесь пробыла? – спросил Крук.

– Примерно с полчаса. После чая я показывала ей свои фотографии.

– Ваши фотографии? – Крук недоуменно оглянулся по сторонам.

– О, нет, не эти. Я о своих актерских фото. Они на лестнице. Я много лет служила в труппе Берлингтонского репертуарного театра. Могла бы в Лондон приехать, если бы захотела, но мне всегда нравилось что-то новое, а если останешься в столице, то что дальше? Играешь одну и ту же роль год или даже больше.

– Далеко не всегда, – пробормотал Крук. – Выходит, пока вы там мило разговаривали, рассматривали фотографии, сколько угодно пожилых дам могли бы подняться по лестнице.

– Я бы обязательно их услышала, – твердо заявила Отшельница. – Вспомните, я же там стояла.

На Крука подобная логика никак не подействовала. Он узнал то, что пришел выяснить, – что мисс Фицпатрик в данный момент ничем не могла ему помочь.

Старушка впилась в него своими глазами-пуговками.

– А что вы там говорили об убийстве, когда пришли? – поинтересовалась она.

– Сестра моя, – серьезным тоном произнес Крук, – здесь происходят странные вещи.

Она кивнула.

– И все равно, – упрямо продолжила она, – было бы смешно, если какая-то незнакомка пришла и ушла, а я бы ее не заметила. Сами знаете, что я всех подмечаю. Вот в субботу днем заходил гробовщик.

– Гробовщик?! – изумленно воскликнул Крук. – Немного преждевременно, вы не находите?

– Конечно же, произошла ошибка. Он думал, что кто-то умер на третьем этаже.

– Наверняка это был родственничек Чайного Колпака. Время у него в голове смешалось, и он появился чуть раньше.

– Гробовщик, похоже, чрезвычайно удивился, когда ему никто не ответил.

– А он надеялся, что труп откроет ему дверь?

– Он сказал, что довольно долго звонил и стучал в дверь, а потом спросил меня, знаю ли я, когда жильца можно застать дома. Я ответила: днем тот всегда отсутствует и живет один, так что, по-моему, о похоронах здесь речи быть не может. Конечно же, он ошибся адресом.

– Странно, – заметил Крук.

– Очень воспитанный и обходительный господин, – сказала мисс Фицпатрик. – Это я вам говорю как человек с большим опытом общения с гробовщиками – я ведь дочь священника.

– Приятно было узнать, – заметил Крук касательно ее осведомленности о своем происхождении. – Так вам известно, нашел ли он своего «клиента»?

– С чего бы это? В нашем доме его не оказалось. Однако мы очень мило побеседовали о похоронных гимнах и новом методе бальзамирования. Совершенно чудесные темы при теперешней обыденности.

«Разумеется, – на полном серьезе напомнил себе Крук, – потому что, когда приходится жить в сумасшедшем доме, сам умалишенным не становишься. Ты просто сыщик, а все остальное – чистое совпадение». После общения со своими соседями он воспринимал это заключение с меньшим оптимизмом, чем ему хотелось бы.

– Послушайте, – начал Крук, подавшись вперед, – вы мне можете кое-чем помочь. Одному богу известно, когда это все закончится, но вы понаблюдали бы сегодня, записывая всех входящих и выходящих. А если увидите пожилую даму, то выйдите из своего укрытия и предложите ей чашку чая, и, может быть, совсем скоро вы увидите свою фотографию в газетах.

Старуха надменно подняла голову.

– Это не доставит мне никакого удовольствия, – произнесла она. – Вы, кажется, забываете...

Крук успокоил ее.

– Кстати сказать, полагаю, что вы не видели, как наш приятель с третьего этажа выходил сегодня утром из дома?

– Нет, не видела, – ответила мисс Фицпатрик. Она надула свои крохотные сморщенные губки. – Все творящееся в темноте да откроется при свете, – добавила она пророческим тоном.

– Как вам будет угодно, – произнес Крук, считавший эти слова чересчур оптимистичными. – Вопрос в том, откроется ли это в нужное время?

– А отчего же нет? – удивилась мисс Фицпатрик, остро сверкнув глазами поверх очков в металлической оправе.

– Разумеется. – Крук приободрился от этой мысли. – Теперь за дело берусь я. Хотите пари?

Однако мисс Фицпатрик заверила его, что она не заключает никаких пари и, кроме того, уже настало время для размышлений. Поддавшись на уговоры заинтригованного мистера Крука объяснить, что бы это значило, старуха ответила, что каждый день она благостно думает о тех, кто нуждается в этом. Сегодня, например, она будет думать об известном государственном деятеле.

– Не хотелось бы вас обескураживать, – сказал мистер Крук, – но вам придется своими мыслями проделать дыру в голове этого субъекта, прежде чем сможете внушить ему нечто разумное.

– Куда большее совершается мыслью, нежели мир наш мог бы мечтать, – процитировала старуха, на что Крук ответил, что мысли – это, возможно, и прекрасно, однако ружье в большинстве случаев оказывает помощь гораздо быстрее.

– Мы с вами еще увидимся, – пообещал он ей, как будто посулил лакомый кусочек, поднялся и собрался уходить.

– Только приходите до затемнения, – мрачно предупредила она его. – Я не впущу в свой дом самого премьер-министра после того, как задерну шторы.

Глава 3

От женщины все беды и напасти В девятнадцати случаях из двадцати.
Гилберт

То обстоятельство, что его предполагаемый спутник от него ускользнул, никоим образом не казалось Крук причиной отказываться от своего намерения навеститься в гостиницу «Варбург-Корт». Наоборот, этот визит представлялся ему важным, как никогда.

Хотя у Крука не было оснований предполагать, что ему возместят расходы – поскольку едва ли Чайный Колпак имеет понятие о финансовых обязательствах, – он считал необходимым из-за сложившейся ситуации взять такси. Ему не терпелось узнать, смог ли пожилой господин, возможно, забывший об их первоначальной договоренности (если вообще уяснил ее), опередить его. Или же произошел какой-то несчастный случай и ему позвонили. Наверное, от этих звуков Крук и проснулся ночью. Может быть, в глубинах подсознания он слышал звук захлопываемой двери. (Однако подсознание, как неуловимый преступник, редко себя проявляет.)

«Варбург-Корт» представлял собой большую, процветающую гостиницу эконом-класса, обслуживающую в основном коммивояжеров и останавливавшихся в Лондоне проездом. С началом войны она уже перестала быть местом постоянного проживания. И в самом деле, налеты на соседние кварталы отбивали охоту обосноваться в гостинице на более долгий срок даже у самых несусеверных. Для ведущего расследования это было большим недостатком, поскольку остановившийся там ненадолго путешественник вряд ли заметил бы пожилую даму, даже в такой экстравагантной шляпе, в то время как живущие там постоянно сразу бы приметили нечто необычное и незнакомое.

Он прошел через вестибюль, где несколько человек сидели в ожидании счета, писали письма или ждали телефонных звонков. Крук подошел к стойке портье и спросил, у себя ли мисс Керси.

Портье несколько удивленно поглядел на него.

– Боюсь, – немного неловко ответил он, – что мисс Керси у нас больше не проживает.

– Но вчера вечером она у вас проживала, – резко возразил Крук.

– А вы родственник, сэр? – осведомился портье.

Крук достал свою карточку.

– Я адвокат, выступающий в интересах семьи, – коротко бросил он. – Я ожидал увидеться с ней сегодня утром.

Это было, возможно, недалеко от истины. К тому же Крук всегда следовал совету, что правда слишком ценна и редка, чтобы попусту выкладывать ее тем, кто ее не оценит.

– Вероятно, – предположил портье, – вам лучше переговорить с управляющим мистером Принсом.

И отправил низкорослого прыщавого мальчишку, чтобы тот его разыскал.

Крук терялся в догадках: вдруг в кои-то веки его опередили и по следу уже идет полиция?

Появился управляющий: полноватый, смуглый, довольно щеголеватый мужчина, облаченный в элегантную визитку. Он со смущенным видом потирал руки, словно готовясь к чему-то неприятному.

– Доброе утро, мистер Крук, – начал он. – Вы пришли справиться о мисс Керси. Боюсь, что я... м-м-м... должен сообщить вам плохие новости. Я... э-э-э... надеялся, что вы узнаете их от родственников.

– Только не говорите мне, что она скоропостижно скончалась, – сказал Крук.

– Ну... э-э-э... – На смуглом, лоснящемся лице управляющего появилась деланая улыбка. – Рад сообщить вам, что до этого не дошло. Дело в том, – замялся он, – что, должен признаться, я удивлен, что мистер Керси не связался с вами.

– Меня это тоже удивляет, – согласился Крук. – Но, возможно, потрясение оказалось для него слишком сильным.

– Дело в том, что мисс Керси, несмотря на свой возраст, с исключительной отвагой настояла на том, чтобы остаться за пределами гостиницы во время затемнения. И последствия, причем весьма естественные, состоят в том, что ее сбил автобус.

– Никогда бы не подумал, что какой-либо автобус осмелился на это, – бесхитростно ответил Крук. – И что же произошло потом?

– Мы... э-э-э... ничего не знали о несчастном случае до одиннадцати вечера, когда позвонил ее племянник и сказал, что ее увезли в частную лечебницу для престарелых.

– В частную лечебницу, – резко отозвался Крук. – А почему не в больницу?

– Я и вправду не могу сказать, – ответил управляющий с несколько удивленным видом. – Могу лишь предположить, что лечебница оказалась ближе всего.

– И конечно же, вам не так-то легко навести справки в частной лечебнице.

Лицо мистера Принса приняло такое выражение, словно он подумал, что перед ним сумасшедший.

– Он сказал, что заедет за ее багажом и расплатится по счету, – добавил он.

– Что? Сегодня утром?

– Нет, нет. Он приезжал вчера вечером. Мисс Керси понадобились ее вещи... естественно.

– Естественно, – согласился Крук. – А вы бы узнали его снова?

– Мистера Керси? – потрясенным голосом спросил управляющий. – Очень надеюсь, мистер Крук, что вы ни на йоту не сомневаетесь, что происходит нечто, не вызывающее доверия.

– Если и происходит, то вы об этом очень скоро узнаете. Полиция не сидит сложа руки. Ей нужно постоянно быть начеку, если она хочет на шаг опережать дилетанта.

– Разумеется, мне и в голову не могло прийти, что в этом деле присутствует нечто... необычное. Число несчастных случаев во время затемнения прискорбно велико, и мы чрезвычайно сожалеем, что бедная женщина повела себя столь безрассудно.

– Вы взяли адрес частной лечебницы?

– Мистер Керси дал нам номер телефона, как я понимаю, в качестве гарантии. Сказал, что осознает, что нам он неизвестен. И если мы захотим проверить его слова, то у него дома их подтвердят.

– Вы никогда не замечали, насколько на свете больше честных мошенников, чем по-настоящему честных людей? – поинтересовался Крук. – Порядочный человек об этом бы не подумал. Честные люди обладают неким самомнением, сопутствующим их добродетели, – они ожидают, что вы поверите им на слово. Примитивно с их стороны, но так оно и есть.

– Но право же, мистер Крук, – в ужасе запротестовал мистер Принс. – Уверяю вас, вы в корне ошибаетесь. – Он вынул шелковый платок и вытер руки. – Здесь нет никакого обмана. Я тотчас же лично позвонил в качестве меры предосторожности, вы понимаете, и мне сообщили, что пожилую даму доставили с переломом бедра. Ее племянник где-то поблизости, если я желаю с ним поговорить, хотя и собирается уходить.

– Все одно к одному, – сказал Крук. – А утром вы не пытались звонить по этому номеру?

– Естественно, я намеревался позвонить, – ответил мистер Принс, хотя он, наверное, и не думал этого делать. И в самом деле, зачем? Клэр Керси была для него не человеком, а всего лишь номером сорок восемь. – Мы очень хорошо знаем мисс Керси. Она всегда останавливается у нас, когда приезжает в Лондон.

– Подобные свидетельства не стоят потраченных на них слов, – несколько раздраженно отозвался Крук. – Откуда бы вам это знать? Нет, не говорите мне ничего. Потому что она высказывает вам, мистер Принс, обычные по этому поводу слова: я бы и не подумала отправиться в другую гостиницу, когда приеду в Лондон. Здесь мне всегда так удобно. Но она может говорить то же самое полудюжине других гостиничных управляющих во время других своих приездов, о которых вы не знаете. Так вы пытались звонить в лечебницу сегодня утром, опускали монеты и жали на кнопку А?

Управляющий холодно заметил, что у них собственные телефонные линии, целых двенадцать.

– Я имел в виду, дозвониться получилось?

Управляющий, оставив всякую надежду понять этого странного посетителя, еще более холодным тоном ответил, что он еще не звонил. Всем известно, что телефоны частных лечебниц в эти утренние часы постоянно заняты, врачи совершают обходы, персонал отвечает на звонки и так далее, однако он не забыл об этом деле.

Крук широко улыбнулся управляющему.

– Сделайте одолжение и рискните обидеть портье, – предложил он. – Хотелось бы услышать последние новости. К тому же мне нужно знать, смогу ли я с ней увидеться.

– У вас есть номер лечебницы, Миллер? – спросил мистер Принс. – Скажите, чтобы меня соединили из моего кабинета. Прошу вас сюда, мистер Крук...

Крук проследовал за ним в офис управляющего, большую и просторную комнату, обставленную с безвкусной роскошью, дабы произвести впечатление на публику, что останавливалась в «Варбург-Корт». Через минуту сообщили, что номер занят.

– Вот видите, люди действительно в это время обрывают телефоны в частной лечебнице, – недовольным тоном произнес Крук. – Подождите немного, и мы снова постараемся дозвониться.

Чуть позже последовала вторая, а за ней и третья попытка, но каждый раз с прежним результатом.

– Ладно, оставьте, – сказал мистер Крук, поднимаясь с кресла со слишком мягким сиденьем и короткой спинкой, где ему было явно неудобно. – Дайте мне номер, и я сам чуть позже постараюсь дозвониться.

Управляющий проводил его до вестибюля.

– Я искренне верю, что вы выясните, что все в порядке, – произнес он. – Более того, я в этом убежден. Этот господин звонил на домашний телефон мисс Керси, чтобы уведомить родственников о несчастном случае.

– Почему вы об этом раньше не сказали? – недовольно спросил Крук. – Номер у вас есть?

– Это был междугородный звонок. Телефонистка... – Тут управляющий отправил куда-то мальчишку-рассыльного.

– Вы сказали, что где-то часов в десять?

– Скажем, в десять пятнадцать. Он уже заплатил по счету и забирал багаж.

– И много у нее было вещей?

– Всего лишь сумка на молнии и зонтик, который она брала с собой, когда выходила из гостиницы. Мисс Керси никогда и никуда не отправлялась без зонта. Я ни разу не видел, чтобы дама его раскрывала, однако она любила на него опираться. Такая у нее была привычка, – продолжал он, гордясь своей наблюдательностью. – Возраста она была почтенного, но ей не нравилось, чтобы о ней думали как о старухе. Именно поэтому мисс Керси носила с собой зонтик, а не трость, – глуповато улыбнулся он. – Строго между нами: это одна из привычек Чемберлена, я бы сказал...

Да уж, ты бы сказал, подумал Крук.

– А в чем, – поинтересовался он, – состояла ее остроумная реакция на это?

– Что она носила с собой зонтики еще до того, как мистер Чемберлен узнал, для чего они нужны. Но зонтом она пользовалась как тростью. Никогда и никуда без него не выходила. Такая у нее была ирония, понимаете ли, – добавил он, как бы поясняя.

– Да, вам тут, наверное, скучать не приходится, – признался Крук. Тут вернулся мальчишка-рассыльный и сообщил, что номер был Минбери 7612.

– Чертовски странно, – задумчиво протянул Крук.

– Боюсь, что я вас не до конца понимаю, мистер Крук.

– Да я так и думал. Хорошо, посвящу вас в одну тайну. Видите ли, на самом деле... в доме мисс Керси нет телефона.

Он задал еще пару вопросов, прежде чем покинул гостиницу. Попросил разыскать горничную и расспросил ее о шляпе, и девушка тотчас же ответила, что, конечно же, запомнила ее. Она шепнула на ухо подруге, что, когда приезжала мисс Керси, ей казалось, что королева Виктория восставала из могилы.

– Она была очень старомодна, – заметил управляющий таким снисходительным тоном, словно подавал полкроны портье. – Однако же и ее племянник от нее не отставал.

– О, так вы и его знали?

– Нет, лишь вчера вечером увидел. Но от него так и веяло прошлым веком, к тому же на нем была большая черная шляпа – исключительно колоритный персонаж. Однако и мисс Керси тоже выделялась. В том смысле, что ее нельзя было не заметить.

Но Крук озадачил его, сказав, что опасается какой-то проделки, а потом спросил, не говорил ли мистер Керси что-нибудь о письмах. Управляющий ответил, что тот просил посмотреть, но кажется, никаких писем не было.

– А сейчас есть?

– Пока нет, – сказал мистер Принс.

– Хорошо, – кивнул Крук. – Ну, полагаю, мы еще увидимся.

И вышел на улицу.

Телефонный номер частной лечебницы указывал на район Кингс-Кросс, и Крук удивился, что пожилая дама мисс Керси делала в этой части города в девять часов вечера. Однако у него уже появились свои соображения.

Перейдя улицу к вокзалу Паддингтон, он подождал в очереди, пока освободится телефонная будка.

«Вот так всегда днем на центральном вокзале», – философски напомнил он себе. Но вскоре подошла его очередь, он захлопнул дверь в маленькую кабинку и опустил в щель два пенни. Снова услышал сигнал «занято», нажал кнопку Б и получил монетки обратно. Несмотря на ожидавших снаружи, он повторил попытку пару минут спустя, и на этот раз ему повезло. Едва прошел один гудок, как трубку сняли.

– Кто вы? – произнес удивленный и одновременно раздраженный голос.

– Это номер Юстон 00182? – спросил Крук.

– Одну секунду, – недовольно отозвался голос. – Да, номер этот. А кто вы?

– Прошу вас, соедините меня с мисс Керси, – сказал Крук.

– Послушайте, вы ошиблись номером! – прокричал голос чуть ли не в отчаянии.

– А вы-то кто? – в свою очередь, спросил Крук.

– Это коммутатор вокзала Юстон! – проревел неизвестный.

– Огромное спасибо, – сказал Крук и повесил трубку. – Как все просто, – согласился он, выходя из будки, которую тотчас же занял кто-то еще. – Некто мистер Икс дал номер телефона, с которого звонил, отсоединился и стал ждать, пока позвонит Принс. Он знал, что тот сразу же наберет этот номер, если вообще удосужится его набрать, и оставался в будке, не давая зайти туда другим. В десять вечера не очень-то много желающих позвонить.

Потом Круку пришла в голову мысль, что, возможно, удастся вычислить такси, на котором увезли багаж мисс Керси. Он разговорился с водителем на ближайшей к отелю стоянке. Шофер оказался пожилым мужчиной с таким выражением лица, словно он знал, что` являлось целью Гитлера номер один.

– Такси желаете, сэр? – спросил пожилой водитель, но как-то вяло.

– Я пытаюсь вычислить машину, которая вчера вечером отправилась к гостинице «Варбург-Корт», чтобы забрать пожилого господина с небольшой сумкой. Наверное, она ушла с этой стоянки.

– Я туда не ездил, – коротко ответил шофер.

Крук красноречиво позвенел в кармане мелочью.

– Это может быть очень важно.

– Ладно, я поспрашиваю, – пообещал шофер, немного смягчаясь. – Разумеется, какие-то машины на выезде.

Пока они разговаривали, два такси вернулись на стоянку, но их водители ничего не знали о вызовах из «Варбург-Корт». Крук протянул первому шоферу купюру в десять шиллингов.

– Когда увидите остальных, спросите и у них. Кстати, а это и ночная стоянка тоже?

– Можно сказать, что теперь вообще не осталось ночных стоянок, – сообщил ему шофер. – Это все из-за налетов и бомбежек. Хотя в последние несколько ночей стало немного потише, – добавил он тоном человека, знающего, что судьба припасла еще более тяжкие удары.

– Ну, если что-то разузнаете, сообщите. Вот мой номер, звоните в любое время. – Он нацарапал на клочке бумаги несколько цифр и ушел со словами: – В любом случае можете позвонить сегодня вечером.

– Вам он очень нужен, верно? – спросил шофер ему вслед. – О, а вот и Лефти.

Крук задержался, пока подъезжал Лефти.

– Лефти, ты ездил в «Варбург» вчера вечером примерно в десять? Хотя, по правде говоря, – добавил он, обращаясь к Круку, – вряд ли в такое позднее время на стоянке окажутся машины. Если нужно такси, лучше ловить его на улице.

Лефти с жаром рассказал, как возил какую-то даму вокруг домов, и в итоге она дала ему пять шиллингов при счетчике в четыре шиллинга девять пенсов, да еще пригрозила заявить на него в полицию, когда тот стал пререкаться. Еще дама заметила, что так ужасно и не по-английски жаловаться на опасности бомбежек, если вспомнить, через какие испытания наши доблестные ребята прошли под Дюнкерком.

– Меня удивляют не совершенные убийства, а те, что еще не успели совершить, – весело согласился Крук и на этот раз ушел окончательно. Он подумал, что шофер, скорее всего, оказался прав и мистер Икс поймал такси на улице, чтобы еще больше все запутать. И все же казалось очевидным, что такси придется разыскать, если нужно будет возвращать багаж.

Он позвонил Биллу Парсонсу, рассказал ему о последних подвижках в деле, после чего направился в кассу, чтобы взять билет до Кингс-Уиддоус. Крук немного удивился, что клерк не запрокинул голову, не расхохотался, не вызвал полицию, а прокомпостировал билет. После чего он сказал, что с пассажира десять шиллингов десять пенсов и его поезд отправляется в одиннадцать ноль шесть.

– Успеваю впритык, – философски произнес Крук, забирая сдачу.

Дорога выдалась долгой, поезд шел медленно среди живописных пейзажей, останавливаясь для пересадок на станциях с названиями вроде «Буйная зелень» и «Барнемская чаша». Казалось, немногих интересовал этот захолустный уголок, и Крук, который был не прочь здесь оказаться, наслаждался поездкой, пока поезд катился мимо крошечных деревенок и вдоль зеленых полей. Казалось, что нет никакой войны и царит мир, если бы не постоянный рев самолетов над головой и не преобладание среди попутчиков людей в хаки и синей летной форме.

Около часу дня поезд довез его до небольшой станции, словно сошедшей с декораций к музыкальной комедии Айвора Новелло. Несмотря на это, она оказалась довольно оживленным местом. Со всех стен плакаты призывали покупать национальные сберегательные сертификаты, напористо предлагали трехпроцентные облигации военного займа и приглашали вступать в группы по сбору средств. С 30 марта по 5 апреля проходила неделя пожертвований на вооружения, и Крук явственно представил себе бесстрашную пожилую даму Клэр Керси, бросающуюся, словно кошка, на всех местных мышек и вытягивающую у них последние фартинги. Нехорошо, конечно, было так думать сейчас, когда, возможно, кто-то набросился на нее.

После очень недолгих поисков Крук увидел ближайший паб «Три короля и зеленая кегля» и с облегченным вздохом вошел в него. Пожилой мужчина, настолько похожий на известного комика, что его театральная поза лишь усиливала это впечатление, подал ему великолепное пиво и согласился принести бутерброды с консервированной ветчиной. За вкусной едой Крук расспросил, где находится дом «Падший лебедь». Как только он оглядел деревеньку, у него не осталось ни малейших сомнений в том, что дом с таким названием существует. Он бы несколько не удивился, узнав, что соседний дом называется «Где пчела собирает нектар». Бармен сказал ему, что нужно пройти триста метров, повернуть направо у почты и пересечь площадь – нужный дом будет первым в дальнем конце.

– Замечательная старушка эта мисс Керси, – попробовал завязать разговор Крук, протягивая кружку, чтобы повторить.

Хозяин согласился, что старушка действительно замечательная, и, чуть подумав, добавил, что если джентльмен приехал навестить ее, то ему не повезло, поскольку она днем раньше уехала в Лондон.

Крук приподнял густые рыжие брови.

– Вот уж точно не повезло, – согласился он. – И когда же она вернется?

Бармен ответил, что не знает.

– Полагаю, что в «Падшем лебеде» уж точно знают?

Бармен сказал, что сомневается в этом. Мисс Керси – очень независимая дама, и на самом деле она представлялась лучшей из трех.

Крук поинтересовался: из *каких* трех? На что бармен ответил, что есть еще ее племянница, другая мисс Керси, и служанка, которая любила, чтобы ее называли компаньонкой. Хотя зачем пожилой даме две компаньонки вроде них – это уж у кого другого спросите. С этими словами он отошел к дальнему краю стойки. Когда Крук допивал свою третью кружку, бармен вернулся и сказал, как будто их разговор не прерывался, ведь прибывший джентльмен, несомненно, добавил живости в рутину: он не удивился бы, если б пожилая дама оказалась его любимицей, причем безо всяких комплиментов в ее адрес с его стороны.

Крук поправил котелок и попрощался, сказав, что они, возможно, еще увидятся, после чего вышел на живописную зеленую деревенскую улицу. Следуя указаниям бармена, он нашел «Падшего лебедя», приятный с виду современный дом в два этажа с собственным садом. Крук подумал, а не поставили ли памятник на том месте, где упал лебедь, и решил, что вполне возможно. Пока он обозревал пейзаж, из-за угла дома вышел весело насвистывавший мужчина.

На вид ему было лет тридцать пять, и лишь брюки и пуловер отдаленно напоминали военную форму.

– Здравствуйте! – воскликнул он, заметив Крука. – Разве мы не ехали с вами в одном поезде? Я бы показал вам, как срезать путь, если бы знал, что вы направляетесь сюда же.

– Я зашел в «Три короля», чтобы немного перевести дух, – ответил Крук, с довольной улыбкой вспомнив паб.

– Жаль, что я об этом не подумал, – произнес его попутчик. – Это место напоминает стишок, что мы учили в четвертом классе: «Вода, везде вода, но негде нам напиться». Однако

боюсь, что здесь вам ничего не светит, если вы что-то продаете – тут даже религиозные брошюры сдают в утильсырье.

– Вот черт! – обиженно воскликнул Крук. – Вы за кого меня принимаете? За странствующего проповедника?

– Никогда не угадаешь, – произнес его попутчик, – говоря как бывший дипломат...

– А, так вот вы кто, – заметил Крук. – А я-то подумал, что вы садовник.

– Только начинающий, – ответил тот. – Ну... хочу сказать, что я не затягиваю войну, подрезая капусту, тогда как мои профессиональные способности... – Он умолк и широко улыбнулся.

– Вы медик? – предположил Крук.

– Офицер связи в министерстве подавления, – поправил его молодой человек.

– Да, это уж точно семейное, – решил Крук. – Кстати, моя фамилия Крук. Я адвокат.

– И к тому же частный, – произнес молодой человек, принимая его карточку. – Знаете, я бы никогда не догадался. А мисс Флора вас ждет?

– Это вторая мисс Керси?

– В общем-то да.

– И двоюродная сестра Чайного Колпака?

– Вы не могли бы изъясняться поподробнее? – попросил его попутчик. – Мы вчера засиделись допоздна и... как бы ни было стыдно дипломату в этом признаться, я вас не совсем понимаю.

– Мистера Теодора Керси. Вы о нем слышали?

– Так, значит, он и вправду существует? А я-то терялся в догадках.

– Он когда-нибудь сюда приезжает?

– Мне всегда представлялось со слов тетушки, что он более-менее устроился в Лондоне.

– Огромное вам спасибо, – произнес Крук. – Он живет в одном доме со мной.

– Послушайте, – с жаром произнес молодой человек, которого звали Хилл Грант. – Вы сказали, что вы адвокат, а не врач, верно?

– Совершенно ясно, – снисходительно ответил Крук, – что вы не очень-то много знаете о законах.

– Об этом заботится закон, – ответил Грант и умолк. – Господи боже, вы ведь не тот самый мистер Крук, так ведь?

– О другом я никогда не слышал, и мне интересно, слышали ли вы когда-нибудь о таком?

– Я вам говорил, что был на дипломатической службе, а сама идея этой службы состоит в том, чтобы научить вас, как не попасть впросак. А если уж это произошло, то помочь выпутаться из неприятностей, не врезав по лицу другому.

– А что вас заставило уйти оттуда? – спросил Крук.

– Я так и не научился, как не попадать впросак, и поэтому, конечно, был в списке вечных безработных.

– А потом? – продолжил Крук.

– Подался на сцену, – виновато ответил Хилл Грант. – Ну, есть одна особенность: на дипломатической службе получаешь хорошую для этого подготовку. Затем я написал несколько собственных номеров. «Немолодой молодой человек» и «Так мы спрятали укулеле под кроватью тетушки», но этот номер министерство подавления вскоре запретило. Там решили, что мы можем как-то передавать информацию врагу. И тогда они предложили мне другую работу, где я не принес бы никакого вреда, позаботились о том, чтобы мне не пришлось быть без дела. Для мисс Флоры это очень больной вопрос. Всякий раз, просыпаясь, я ожидаю увидеть перья, торчащие из моей подушки.

– Так, значит, вы поселились здесь, верно?

– Именно так. Но послушайте, кого же вы все-таки хотите увидеть? Тетушку? Потому что если ее, то вам не повезло.

– Это мне уже сказали в пабе.

– Но мисс Флора здесь. Она с огромным удовольствием узнает больше о... Чайном Колпаке. На самом деле, – добавил он, – и я тоже. Каков он из себя? Я всегда представлял его себе похожим на циферблат, округлым и улыбающимся, под стать своим теориям.

– Может, он и под стать своим теориям, которые, разумеется, очень высокие, – согласился Крук. – Однако он вовсе не похож на циферблат, если только вы не имеете в виду этот «продолговатый тихий ужас», который, похоже, очень нравится женщинам. Он высокий, костистый, сплошь нос да голова.

В этот момент холодный, как полярные снега, голос осведомился:

– Это ваш друг, мистер Грант, или же он пришел к кому-то из домашних?

– Мисс Флора Керси? – произнес Крук, выступая вперед и как можно учтивее кланяясь. – Я интересовался, смогу ли здесь найти вашего двоюродного брата Теодора.

– Нет, – ответила мисс Флора с изящной простотой, надеясь тем самым избавиться от мистера Крука.

– А мисс Керси здесь? – не отступал Крук.

– Боюсь, что у вас нет никакой возможности ее увидеть.

– Я тоже этого боялся, – произнес Крук. – Скажите, если Теодор не здесь, тогда где же он?

Мисс Флора сжала губы, которые могли принадлежать только женщине, познавшей удары судьбы, опасность и неизвестность, ставшей раздражительной и недоверчивой.

– Поскольку вы представляетесь его другом, – сказала она, саркастически подчеркнув слово «друг», – можете ему передать, что здесь его присутствие не приветствуется.

– Даже его теткой?

– Этот человек – фигляр и шарлатан! – воскликнула мисс Флора, в отчаянии ломая руки. Интерес Крука возрастал с каждой секундой. Впервые увидев эту женщину, он подумал: «Вот вам образцовая ледышка», но он уже осознал свою ошибку. Перед ним была не ледышка, а огонь – тлеющий, опасный и неугасший. Когда он превратится в пламя, то сожжет все вокруг, безжалостно и бесстрашно. Он гадал, что же ей пришлось пережить.

– Шарлатан? – повторил он. – Ну, я бы не сказал, что его теории совпадают с моими, однако...

– Я больше ничего не желаю о нем слышать, – оборвала его мисс Флора.

– Возможно, лучше было бы поговорить со мной, чем с полицией, – невозмутимо предложил Крук.

– С полицией? – Она резко обернулась. – Вы хотите сказать, что он вляпался в какую-то скандальную историю? Я всегда предупреждала тетю... но если ему нужны лишь деньги... а я полагаю, что так оно и есть...

– Послушайте, – вмешался Крук. – Я не говорил, что ему нужны деньги или даже что его ищет полиция. Не ищет – пока, – но начнет, если он вскоре не объявится. И то же, конечно, относится и к вашей тетушке.

Мисс Флора сдвинула темные брови. Для женщины они были слишком густыми и добавляли свирепости почти застывшему выражению лица.

– Вот теперь я вообще ничего не понимаю, – призналась она. – Какое полиции дело до моей тетушки?

– Никакого... Если вы знаете, где она находится.

– Она осталась в Лондоне.

– Адрес вы знаете?

– Разумеется.

– Так-та-ак, – протянул Крук. – Должен сказать, что я удивлен. Я-то думал, что вы сорвались с места, чтобы сидеть у постели больной...

– У постели больной?

– Ну да. В частной лечебнице. Вы же знаете. После несчастного случая, произошедшего с ней вчера вечером.

Крук заметил, что внимание обоих слушателей приковано к нему.

– Мне кажется, – сказала мисс Флора, – что произошла какая-то ошибка.

– Я тоже так думаю, – согласился Крук.

– Я ничего не слышала о несчастном случае.

– Вот странно. Потому что в гостинице мне сказали, что некий господин звонил домой мисс Керси. Мне это показалось немного странным, поскольку со слов вашего двоюродного брата я заключил, что у мисс Керси нет телефона.

– Не было, – подчеркнула мисс Флора, – однако она распорядилась установить аппарат после того, как здесь поселился мистер Грант. Он убедил тетю в его необходимости...

– Позвольте же вас спросить, – едким тоном начал Хилл Грант, – как министерство сможет помешать мне приехать поработать, если у них нет номера телефона, по которому мне можно отказать?

– Прошу вас, мистер Грант, – сказала мисс Флорарезким, как захлопывающаяся дверь, голосом. – Не могли бы вы объяснить? – она снова повернулась к Круку.

– Во время затемнения она находилась на улице, ее сбил автобус, а потом ее увезли в частную лечебницу, – монотонно протараторил Крук в ответ. – По крайней мере, так сказал тот господин.

– Какой господин?

– Да тот, который позвонил в гостиницу о происшествии, а потом забрал ее багаж и сказал, что станет вам звонить.

Мисс Керси обратила к нему побледневшее лицо.

– Мистер Крук, – начала она, – вы должны извинить меня за то, что я поначалу не восприняла вас всерьез. Теперь я понимаю, что произошло нечто ужасное. Извольте войти в дом.

Крук с готовностью последовал за ней, а за ним с не меньшим рвением увязался Хилл Грант. Однако на лестнице мисс Флора обернулась.

– Мы не должны отвлекать вас от работы, мистер Грант, – заявила она.

Крук бросил на него через плечо язвительный взгляд.

– Вы недостаточно долго пробыли на дипломатической службе, – произнес он.

– Я ей не по нраву, да? – пробормотал Грант. – Я о тетушке. Вы нас водите за нос или?..

– Дорогой мой! – Крук выглядел искренне потрясенным. – Я похож на того, кому доставляет удовольствие водить людей за нос?

Он спешно вошел в дом за мисс Флорой, ударился ногой о большой чемодан, оставленный в коридоре рассеянным мистером Грантом, и прошел в гостиную. Там мисс Флора указала ему на стул, маленький и жесткий, с прямыми деревянными подлокотниками, но Крук, сказав, что он там застрянет, остался стоять так, что мог четко видеть ее, пока она говорит.

– Мистер Крук, вы только что говорили о телефонном звонке, поступившем сюда прошлым вечером. Вы были правы – нам звонили. Но не мужчина, как мне показалось. Позвонил некто, выдававший себя за тетю Клэр и сказавший, что она закончила свои дела быстрее, чем ожидала, и вернется домой сегодня вечером. Она даже сказала, что нам надо раздобыть к ужину курицу.

– И вы раздобыли?

– Да. Я велела Уотсон ее приготовить. Но теперь, если все, что вы говорите, правда... В том смысле, если произошел несчастный случай или что похуже, я не знаю, чего захочет моя тетя. Она, разумеется, не ожидает, что мы съедим курицу в ее отсутствие. С другой стороны,

если вас ввели в заблуждение и она все-таки придет к ужину, то придет в ярость, если ее не будет ждать курица.

– Так вот какие проблемы волнуют вас, женщин! – ответил Крук. – Не думаю, что вам нужно особо суетиться по поводу ее приезда сегодня вечером.

Мисс Флора принялась заламывать руки. Крук, раньше никогда подобного не видевший, зачарованно глядел на нее.

– Мне надо было заподозрить, что здесь какая-то ловушка! – вскричала она. – Я впервые в жизни услышала голос тети по междугородному телефону. О, и где же, по-вашему, она может быть сейчас?

– Именно это хотело бы знать множество людей.

– А вы, – продолжила мисс Флора, – как именно вы оказались причастны к этому?

Крук объяснил. Лицо мисс Флоры потемнело.

– Опять этот человек! – вскрикнула она. – Столько лет одно и то же: тянет, тянет, тянет! Он совершенно бессовестный тип.

Крук вспомнил сутулую, несколько отстраненную фигуру своего соседа. Слово «бессовестный» показалось ему странным, неприемлемым к старику.

– Почему он не может зарабатывать себе на жизнь, как остальные? – спросила мисс Флора.

– Он говорил, что зарабатывает.

– Но ему не платят, – возразила она.

– Я полагал, что ему платит мисс Керси.

– С чего бы это вдруг?

– Лишь с того, что это ее деньги, и, похоже, она предпочитает тратить их именно так. В конечном итоге привилегией богатых людей является возможность стимулировать науку и искусство. – Он широко улыбнулся, произнося эти фразы.

– Вот вы говорите, что моя тетка богата. А знаете ли вы, что всю жизнь, за исключением последних нескольких лет, ей приходилось работать с утра до ночи, чтобы свести концы с концами? А я вот знаю. Я много лет работала вместе с ней. Она осталась ни с чем, и ей пришлось подвизаться компаньонкой, терпя при этом все, что к этому прилагается. Люди думают, что если платят вам несколько фунтов в год, то вы принадлежите им целиком – со своим временем, своим духом и всем, что у вас есть. Теперь, возможно, вы понимаете, почему я злюсь на этого шарлатана за то, что он практически шантажирует ее.

Крук мгновенно наострил уши.

– Шантажирует?

– О, я не о том, что он совершил нечто, за что его могли бы привлечь по закону, – мне, во всяком случае, об этом неизвестно. Однако он совершенно четко знает, что она не допустит, чтобы плоть от плоти и кровь от крови ее голодала. И позволю себе заметить, что он вроде мистера Гранта – обладает своеобразным шармом и пользуется им в своих интересах.

– Рад вашему признанию, что у него есть шарм – это я о мистере Гранте.

– И кто это сказал, что шарм является наименее заслуженным из всех человеческих качеств? Люди не делают ничего, чтобы его заполучить – он как форма лица или цвет глаз, – а потом они начинают... – Она задохнулась от возмущения.

– Извлекать из него выгоду, – закончил Крук, осторожно поглядывая на нее. Бедная женщина, столь опрометчиво выложить на стол все карты! Конечно же, шарма в ней несколько не было, и, как большинство непривлекательных женщин, она, естественно, возмущалась по поводу его присутствия у других. – Но в этом же есть здравый смысл. Если бы они так не поступали, то походили бы на людей, зарывших в землю свои таланты. Возможно, это единственное, что у них есть.

– По крайней мере, они могли бы честно работать! – с горечью воскликнула мисс Флора.

– А разве мистер Грант не работает?

– Я ему не доверяю, мистер Крук. Ну, вдумайтесь в то, что он сам о себе рассказывает. Он был на дипломатической службе, выступал на сцене, служил в армии в самом начале войны, а теперь он в каком-то правительственном департаменте. А сколько ему? Тридцать пять лет. Ни у одного честного человека не хватит времени пройти через все это к тридцати пяти годам.

– И он втерся в доверие к вашей тетушке?

– Конечно, да. Вы думаете, я не догадываюсь, в чем цель его игры? Он пытается встать между ею и мной.

– Ради того, что у нее есть?

Она в отчаянии повернулась к нему.

– Я полагаю, что он способен сделать ей предложение ради денег.

– И, судя по всему, она смогла бы принять его.

– Вы только полюбуйтесь, как он вчера носился вокруг нее. Я не верю, что ему надо было ехать в Лондон по каким-то министерским делам. Он просто пытался подлизаться к ней и угодить. Как правило, она никому не разрешает ездить вместе с ней, но в данном случае сделала исключение. Разумеется, тетя Клэр стареет. Когда-то она обладала прекрасной деловой хваткой, но теперь ее можно обвести вокруг пальца.

– Если мисс Керси так много лет провела в компаньонках, как же она стала землевладелицей? – поинтересовался Крук.

– Она получила небольшое наследство от одной из женщин, за которой ухаживала. Это была некая миссис Филлипс, жена врача в Хемпстеде. Она долгое время была инвалидом, но об этом подробнее могла бы рассказать вам Уотсон. Она работала у миссис Филлипс экономкой и там познакомилась с моей тетей. Примерно через два года миссис Филлипс умерла и оставила тете Клэр достаточно денег, чтобы та смогла начать свое дело.

– Какое дело?

– У нее было агентство по трудоустройству. Тетя Клэр говорила, что накопила огромный жизненный опыт, что было бы жаль, если бы он пропал даром. Ее агентство занималось наймом на работу компаньенок, прислуги высшего ранга и иногда гувернанток, по большей части неаттестованных. Несколько лет дела у нее шли очень успешно, и я совершенно случайно встрети-лась с тетей Клэр в ее конторе, когда зашла справиться, есть ли на примете место, которое мне бы подошло. До того я лишь смутно себе представляла, что у меня есть тетка.

– И с тех пор вы неотлучно находились рядом с ней?

– Ей нужен был бухгалтер и управляющий, и в случае необходимости я могла выйти на временную работу. Однако почти все время я проводила в конторе. Но примерно пять лет назад врач сказал тете Клэр, что ей придется отойти от дел...

– И тогда она продала агентство?

– Она оставила свое дело. Не знаю, существует ли агентство сейчас. По-моему, уже нет. Именно ее личные качества стали залогом его потрясающей успешности. Тетя Клэр приехала сюда, купила этот дом и попросила меня с Уотсон переехать к ней. Уотсон работала у нее со времени кончины миссис Филлипс, – мисс Флора беспокойно задвигалась на стуле.

Крук задумался.

– У вас есть какие-либо причины полагать, отчего кто-то мог питать к ней неприязнь или злобу?

– А почему вы именно так говорите?

– Ну а вам разве так не кажется? – с неподдельным удивлением спросил Крук. – Вот она исчезла, забыла свою шляпу...

– Вы полагаетесь лишь на утверждения моего двоюродного брата, что это ее шляпа. Она могла принадлежать кому угодно.

Крук покачал головой.

– Вы не поверите. Второй такой быть не могло. Взгляните-ка на это.

Он достал из кармана конверт, откуда вытряхнул что-то в свою большую ладонь. Это оказался небольшой черный бантик.

– Узнаёте?

– По виду он со шляпы тетушки, – согласилась мисс Флора. – Мистер Крук, что же, по вашему мнению, произошло на самом деле?

– Вот поэтому я и обращаюсь к вам за помощью. Итак, ваша тетушка говорила что-нибудь о том, что она собирается навестить племянничка, когда будет в Лондоне?

– Не... знаю... – протянула мисс Флора. – Но вот что я вам скажу. Она как-то на прошлой неделе писала ему, в четверг. Мне это запомнилось, потому что был базарный день и я собиралась в Минбери. Она только что закончила письмо и заклеивала его, а потом крикнула мне, чтобы я его взяла, тогда оно успело бы к полуденной выемке писем. У нас здесь их забирают лишь в половине одиннадцатого утра. Тетя не сказала мне, что в письме, однако, кажется, она назначала ему встречу.

– Если это то письмо, что он мне показывал, то она именно так и поступила, – согласился Крук. – Но он забыл его вскрыть, она пришла, не застала его дома и ушла, оставив шляпу в качестве некоего знака.

Флора нахмурилась.

– Мистер Крук, это не шутки. Моей тете никогда бы и в голову не пришло такое сделать.

– Похоже, он подумал то же самое. Вообще-то сегодня утром он собирался присоединиться ко мне.

– А почему не присоединился?

– Потому что к утру он тоже исчез. Но не надо так волноваться. Вы же знаете мой девиз. «Крук всегда находит нужного человека – живого или мертвого».

– Отчего вы так говорите, словно ожидали, что кто-то умрет?

– А вам разве так не кажется?

Она изумленно поглядела на него.

– Но... почему?

– Ну, как вы думаете, где находится ваша тетушка? Или это розыгрыш из тех, что она призывала устраивать? Ее багаж забрал неизвестный человек, нам дали телефонный номер частной лечебницы, который оказывается то ли коммутатором, то ли телефонной будкой на вокзале Юстон вы получаете сомнительный телефонный звонок... Если все это не представляется вам необычным, тогда я не знаю, что и подумать.

– Я всегда чувствовала, что однажды тетя Клэр выкинет какой-нибудь номер, выходящий за рамки даже ее поразительного характера. Она всегда была безрассудной, а в последнее время казалась еще более неосторожной. Полагаю, она скучала по работе. В этом небольшом домике ей приходилось сдерживать таившееся в ней желание обширной деятельности. Она походила на театрального режиссера, которому внезапно пришлось оставить большую сцену и заниматься обучением начинающих актеров.

– Вы хотите сказать, что она сделалась своенравной?

– Я имею в виду, что она была готова пойти на любой подвернувшийся рискованный шаг. Тетя Клэр переписывалась со многими своими лондонскими друзьями и знакомыми и время от времени отправлялась туда. Но... она что-то задумала. Не знаю, что именно, однако я слишком долго прожила бок о бок с ней, чтобы об этом не догадаться.

– Она ничего не говорила, никак вам не намекала?

– Нет. Возможно, с полгода назад она бы и сделала нечто вроде, однако... Ее всегда влекло что-то новое, как я уже говорила, и...

– И на сцене появился красавчик принц Чарли?

– Возможно, я к нему несправедлива, – холодным тоном произнесла Флора. – Однако...

– Однако вы так не думаете.

– Нет.

– Так, перейдем к сути дела, – начал Крук. – Голос, говоривший вчера вечером с вами по телефону, был таким же, как у вашей тетушки?

– Никогда нельзя быть полностью уверенным насчет голосов, когда говоришь по межгороду, к тому же у тети Клэр очень низкий, почти мужской голос. Возможно, если бы что-то случилось и вызвало у меня подозрения, я бы и засомневалась, но ничего такого не произошло.

– Но вы не уверены, что под присягой в суде можете показать, что это была не она?

– Разумеется, предоставленные мне вами факты доказывают, что вряд ли это была она. Мистер Крук, как вы думаете, кто этот человек? Вы считаете, что он может оказаться?..

– Погодите, погодите, – принялся утешать ее Крук, – не надо бежать впереди паровоза. Дальше я хотел бы переговорить с Уотсон.

Словно впуская на сцену актера со своей репликой, дверь распахнулась, и вошла одетая в черное, небольшого роста худая женщина с золотыми колечками в ушах.

– Мисс Флора! – вскричала она, явно не обращая на Крука ни малейшего внимания. – Вы только полюбуйтесь. Жемчуга мадам. Они исчезли.

– Исчезли! – Флора резко повернулась, однако голос ее звучал отстраненно, словно она едва понимала, что сказала женщина.

– Да. Я удивилась, когда заметила, что шкатулка не заперта, зная, как мадам бережно относится к своим драгоценностям, а потом увидела почему... Потому что в шкатулке было пусто.

Похоже, она лишь теперь заметила Крука и смерила его подозрительным взглядом.

– Не обращайтесь на меня внимания, – сказал Крук. – А что это за жемчуга?

– Нитка жемчуга, которой мадам особенно дорожила, – высокомерно ответила Уотсон. – Прошу прощения, мисс Флора, я не знала, что с вами кто-то есть.

– Это мистер Крук, Уотсон. Он как раз хотел с тобой побеседовать.

– Со мной?

– Да. Дело вот в чем: мы боимся, что с моей тетей что-то случилось.

Станным оказался этот дом. Услышав слова мисс Флоры, экономка вцепилась руками в шкатулку для драгоценностей и воскликнула:

– Я всегда знала, что значит ездить одной в ее возрасте! Позвольте мне поехать с вами, мадам, все время умоляла я. Однако она говорила: «Когда я одряхлею, то сама тебе скажу». А что стряслось, мисс Флора?

– Согласно сообщениям из гостиницы, во время затемнения произошел несчастный случай, – сказал Крук.

– И... сильно она пострадала? Вы же не хотите сказать, что мадам погибла? О, нет, мисс Флора, только не это.

– Мы сами не знаем, – медленно ответила Флора. – Нам лишь известно, что она пропала. Хотя, что касается жемчугов, – продолжила она, – тебе не стоит переживать из-за того, что их нет в шкатулке. Тетя взяла их с собой в Лондон.

– Взяла с собой жемчуга? – недоверчиво спросила Уотсон.

– Да. Тебе она ничего не сказала, зная, что ты станешь переживать...

– И не без причины, как выяснилось, – мрачно возразила Уотсон. – А почему она не взяла их со шкатулкой?

– Потому что она сочла, что безопаснее будет надеть их.

– Надеть? Жемчугов на пять тысяч фунтов?

– Она настаивала, что никто не поверит, что они настоящие.

– Ну, теперь она знает, что к чему, – гневно прошипела Уотсон.

– Мы не знаем, что жемчуга имеют какое-то отношение к ее... исчезновению, – заметила Флора.

– Меня в детстве учили арифметике, – мрачно сказала Уотсон, – что дважды два четыре. Так ведь любого могут убить за такие жемчуга.

– Мы же не знаем, что ее убили! – воскликнула Флора.

– С другой стороны, – заметил Крук, – нам неизвестно, что ее не убивали.

– А вы в полицию обращались? – спросила Уотсон.

– Не лишайте мисс Керси надежды, – обратился к ней Крук. – Она лишь услышала, что с ее тетей произошло нечто загадочное. Тем не менее, если к вечеру не проявится что-то новое, я, скорее всего, с мисс Флорой свяжусь.

– А что может проявиться? – поинтересовалась Уотсон.

– Есть небольшая вероятность того, что в спешке мистер Икс дал гостинице неправильный номер. Мой партнер, Билл Парсонс, прочесывает ту часть Лондона, просматривая новости из частных лечебниц. Когда я сегодня вечером вернусь домой, он сообщит, что ему удалось разузнать. К тому же остается еще Чайный Колпак. Нам придется кое-что выяснить о его персоне.

Мисс Флора улыбнулась им обоим, сжав губы.

– Вполне возможно, что эти две загадки связаны.

– Считаю, что такое более чем возможно. Я бы на это поставил свою последнюю рубашку.

– Я все-таки не понимаю, зачем мадам взяла жемчуга в Лондон, – продолжила Уотсон.

– Она сказала, что хочет, чтобы их нанизали на новую нить.

– На новую нить? Но с нитью-то ничего не случилось.

– Я говорю тебе лишь то, что она мне сказала. Возможно, мистер Грант сможет сказать больше. Она совсем недавно показывала ему жемчуга. Это я точно знаю, потому что он говорил мне, какие они красивые и как жаль, что она их не надевает хотя бы иногда.

– А она вообще их надевала? – спросил Крук.

Ему ответила Уотсон:

– По-моему, ей нравилось ощущать, что они у нее есть. Она говорила: за тем, что так дорого стоит, нужно внимательно присматривать. К тому же здесь у мадам разве были случаи надеть эти дивные вещи?

– Тихое местечко? – пробормотал Крук. – Ну, смею заметить, что мы его разбудим, прежде чем закончим дело.

Уотсон повернулась к нему с выражением непоколебимой решительности на лице.

– Уж не знаю, как вы, – сказала она, – но я бы жизнь за мадам отдала.

Крук подумал, что не исключена возможность, что ей, вероятно, придется сдержать свое слово.

Глава 4

Из этого хоть что-то, да прольется. Надеюсь, что не человеческая кровь.

Саймон Танпертит

I

Вскоре от Уотсон он почерпнул информацию, которая легла в основу логической базы в этом необычном деле. Когда мисс Флора оставила их наедине, экономка сказала именно то, что он и ожидал.

– Эта мисс Флора слишком много на себя берет. Можно подумать, что она единственная, кто питает интерес к мадам, просто потому, что она ее племянница. Она злится на всех, кто хотя бы пожелает мисс Клэр доброго утра.

– Она ведь очень привязана к мисс Керси, так? – как можно простодушнее предположил Крук.

– И очень даже есть отчего, – мрачно ответила Уотсон. – Немного найдется людей, которые сделали бы для нее столько, сколько мадам. И без всяких обязательств. Очень жаль, что она скрывает свои чувства перед мадам.

– Возможно, она боится, что ее обвинят в том, что она пытается... э-э-э... втереться в доверие к своей тетке.

– Мадам не такая уж дура. Она прекрасно знает, чего люди добиваются. Заметьте, я не говорю ничего плохого против мисс Флоры, но если разобраться, я знаю ее тетку гораздо дольше, чем она. Мы жили бок о бок, когда жизнь была куда труднее, чем теперь. Я о доме доктора Филлипса.

– Как я понимаю, мисс Клэр была там компаньонкой.

– Да, компаньонкой миссис Филлипс.

– И нелегко приходилось? – пробормотал Крук.

– Я всегда говорю, что у нас нет права судить больных. Можно сказать, что с ними тяжело, ну, мы тоже могли бы оказаться такими же, если бы пришлось все время лежать, а за нами бы ухаживали.

– Для множества людей это идеал рая.

– Но не для меня. Мне всегда хотелось самой делать свою работу. Мисс Керси была такая же, однако жилось ей не всегда легко.

– А миссис Филлипс была пожилой женщиной?

– Намного моложе, чем я, хотя немного старше своего мужа. Нет, было ей не больше сорока пяти, однако она долго болела.

– А от какого недуга она страдала?

– Похоже, точно никто не знает. К ней постоянно приходил доктор Форстер, давал ей общеукрепляющие средства и снотворные микстуры плюс много чего еще, но она всегда говорила, будто он мало что понимал. Ее раздражали самые ничтожные мелочи. Если торговец обсчитается на шиллинг в свою пользу, пусть даже поздним вечером, она буквально выходила из себя, пока все не разъяснялось.

– Немного скуповато с деньгами обращалась, нет?

– Она говорила: знает, что причиняет мужу массу расходов, даже несмотря на то, что, будучи врачом, ему не приходилось платить такие большие деньги, как, к примеру, нам с вами. Видите ли, – задумчиво продолжала Уотсон, – миссис Филлипс была какая-то странная. Все

время мечтала и фантазировала, говоря, как бы чудесно получилось, если бы внезапно пришло известие об умершем в Австралии дядюшке, который оставил ей целое состояние. Миссис Филлипс говорила, что ей нужно очень аккуратно вести домашние книги, потому что лишь так она могла помочь мужу.

– Она очень его любила?

– Ну, в некотором роде. Разумеется, она чувствовала, что он иногда развлекается без нее. Но это же естественно. Он же почти не видел жизни, весь день проводя у постелей больных, а вечером возвращаясь к больной жене. Но миссис Филлипс понимала, что стала ему обузой. «Всем стало бы лучше, если бы я умерла», – говаривала она мне и мисс Керси.

– А вы, естественно, с ней согласиться не могли. Так от чего же она в итоге умерла?

– Это случилось примерно через два года после того, как в доме появилась мисс Керси. Миссис Филлипс заболела гриппом, а вы же знаете, как человек во время него слабеет. А она, похоже, так и не смогла подняться. Однако ей все же стало немного лучше, и уже намечалось, что она с мисс Керси уедет на природу выздоравливать окончательно. Но как-то ночью у нее внезапно случилось что-то с сердцем и она умерла во сне.

– Разрыв сердца? – предположил Крук, сверкая своими небольшими глазами, словно канарейка Отшельницы.

– По-моему, так записали в свидетельстве о смерти. Но, разумеется, в то время жизнь была нелегкой. Сразу после войны разразилась большая эпидемия, времени ни у кого не было, а уж у врачей тем более. Скажу вам, что миссис Филлипс пришлось несладко, ее муж день и ночь пропадал на работе, однако он говорил, что люди мрут как мухи, а из армии пока невозможно демобилизовать необходимых врачей.

– А после ее смерти? – поинтересовался Крук.

– Доктор Филлипс уехал из того дома. Он сам заболел гриппом, когда все вокруг выздоравливали, а потом так и не вернулся в Хемпстед. Позже он снова женился и отправился в Кенсингтон, кажется. Мадам изредка получала от него весточки.

– А вы?

– После всех тех событий мадам открыла свое агентство. Она сказала мне, что миссис Филлипс оставила ей две тысячи фунтов.

– И вам это не показалось странным?

– Ну, в некотором роде да, ведь миссис Филлипс всегда говорила, что у нее вообще нет денег. Понимаете, это означало, что или они у нее все-таки были, или доктор Филлипс передал их мисс Керси от имени жены.

– А у него существовали какие-то причины так поступить?

– Она всегда очень хорошо относилась к миссис Филлипс и ухаживала за ней, когда не могли найти хорошую сиделку. Я уверена, что никто не может попрекнуть ее этими деньгами.

– А... вы тоже получили наследство? В конечном итоге вы прожили там гораздо дольше, чем мисс Керси.

Уотсон выглядела оскорбленной.

– Я никогда не думала о подобных вещах, – ответила она, и стало совершенно ясно, что экономка говорит правду.

– Весьма достойно и благородно с вашей стороны, – одобрительно произнес Крук. – И тем не менее, если доктор оказался так щедр по отношению к мисс Керси, он мог бы и о вас вспомнить.

– Мне хватало того, что мне платили, – с достоинством ответила Уотсон, – К тому же нет никаких сомнений в том, что миссис Филлипс оставила эти деньги мисс Керси. Зашивать дурацкие старые полотенца, которые в любом другом доме, где мне доводилось работать, пустили бы на тряпки, и отправляться сражаться с бакалейщиком за каждый пенс. О, она заслужила эти деньги.

– А после смерти миссис Филлипс вы поступили на работу к мисс Керси?

– Она сказала, что организует агентство, и спросила, не хочу ли я стать у нее экономкой. Ну, доктор Филлипс во мне больше не нуждался. Он продал свою практику, как я вам уже говорила, и обосновался где-то в другом месте. И потом я привязалась к мисс Керси: мы так долго прожили бок о бок у миссис Филлипс. Ну, я и подумала, что меня это вполне устроит, и по сей день устраивает.

– А когда именно на сцене появилась мисс Флора?

Уотсон плотно сжала губы.

– Однажды утром она зашла в агентство мадам – по чистой случайности, можно сказать.

– Ее привлекло полное совпадение фамилий?

– Мадам назвала свое предприятие «Агентство Кей». Мне неизвестно, как она сумела прознать. В любом случае, тогда мисс Флоре приходилось очень тяжело, и не каждая тетка смогла бы быть к ней так добра, как мисс Керси.

– Когда вы говорите об «очень тяжело»... – деликатно поинтересовался Крук.

– Она осталась без работы, – ответила Уотсон, – и убедилась, что найти ее не очень-то легко.

– А чем она занималась?

– По-моему, мисс Флора вела какие-то счета, и... Ну, сама-то она, конечно же, не говорила, но однажды возникло некоторое недовольство. Я слышала, как мадам сказала, что той еще повезло, что ей не дали шесть месяцев. Ну, естественно, с такими отзывами вряд ли далеко пойдешь, но мадам сказала, что свой своему поневоле брат...

– Она понимала, что они родственницы?

– О, она была ее настоящей племянницей, но мадам говаривала, что нельзя винить мисс Флору за дурную кровь ее отца. К тому времени он давно умер, ко благу всех остальных. Ну, мадам поговорила с мисс Флорой, а потом дала ей должность у себя в штате. Иногда посылала ее на подмены и временную работу, но мисс Флора всегда знала, что у нее есть поддержка. О, мадам хорошо к ней относилась. Стыдно, конечно, что мисс Флора иногда на нее срывается. Да и на меня тоже.

– Похоже, она и к мистеру Гранту не питает особо добрых чувств, – предположил Крук.

– Она все же заметно озлобилась, – согласилась Уотсон. – Обратите внимание, ведь мисс Флора из жадных людей. Я не говорю, что она ревниво относится к драгоценностям и деньгам мисс Керси или переживает из-за них, но ей не нравится, чтобы мадам кому-то о них рассказывала.

– Маленькое зеленоглазое чудовище, – весело заметил Крук.

– Временами я замечаю, что она смотрит так, словно хочет, чтобы меня удар хватил. Такое же и в агентстве было. Мадам была не их тех, кто привечает любимчиков. Она хорошо относилась ко всем девушкам. Ну, не попробуешь – не узнаешь, сами понимаете, и девушки возвращались снова и снова, когда им нужна была работа. Вы удивились бы, знай, на скольких местах иные девушки побывали за пару лет, а когда они уезжали, то писали мадам, а она им отвечала. Если же кто-то из них оказывался на мели, она их выручала. Прекрасная была женщина.

– Настоящий филантроп, – согласился Крук.

– Когда я ей говаривала: «Мадам, не надо допускать, чтобы так пользовались вашей добротой», она отвечала: «Доброта окупается, Уотсон, да еще как. Если я им помогу в трудную минуту, то когда понадобятся работники, они вернутся ко мне». И ведь возвращались. У нее была очень высокопоставленная клиентура. Об «Агентстве Кей» знали везде. К ней приходили из всех солидных домов.

– А что заставило ее свернуть дело, если все шло так хорошо?

– У нее случился вроде бы сердечный приступ, и врач сказал, что продолжать в том же духе смерти подобно. И, зная свой характер, она поняла, что никогда не сможет оставаться в Лондоне и бездельничать, так что собралась и переехала сюда.

– А кто теперь ведет дела в агентстве?

– Нет больше никакого агентства. Ну, это было особое предприятие мисс Керси. Если бы оно перешло к кому-то еще, там все сделалось бы совсем не так, как раньше.

– И все же она могла бы получить что-то за репутацию и престиж.

– Ей бы пришлось не по нраву думать, что им станут управлять по-иному и, возможно, не так хорошо. Нет, она бы скорее ликвидировала его.

– Оно было весьма успешным, да?

– Самым известным агентством в Лондоне.

– Оно наверняка принесло мисс Керси хорошую прибыль, чтобы та смогла вложиться в драгоценности. Хорошие камни стоят денег.

Тон Уотсон моментально сделался более доверительным.

– Я часто думала, что их вот так и затягивает, особенно когда в юности у них мало чего было. Ведь мисс Керси всегда усердно работала, никогда не веселилась, больших денег не видела, а потом внезапно сделалась довольно богатой. И ей захотелось того, чего она никогда не имела.

– Дорогих шуб и прочего?

– Нет. Забавно, но одежде она не придавала особого значения. Ей было все равно, что носить. И ее это вполне устраивало, ну, вы понимаете, о чем я. Иные люди просто помешаны на одежде, и им всегда надо расфуфыриваться, а есть люди вроде мисс Керси, для которых одежда – это просто покров.

– Я вас понял, – рассудительно ответил Крук. – И часто она выставляла напоказ свои драгоценности?

Уотсон удивленно поглядела на него.

– Вы в том смысле, надевала ли их? Нет, никогда она их не носила. Вот почему я так поразилась, когда услышала, что мисс Керси надела жемчуга перед поездкой в Лондон. В конце концов, в безрассудстве нет никакого смысла.

– А какой смысл был в том, чтобы это все иметь, если она никогда ничего не надевала? – вполне резонно поинтересовался Крук. – Или она хранила драгоценности как гарантию безбедной старости?

– Иногда их вот так затягивает, – совершенно серьезно повторила Уотсон. – В том смысле, когда им приходилось вкалывать, а они себя особо не баловали. Одно время я работала у одного господина, который разбогател, когда ему было почти семьдесят. Самый заурядный скряга был. Никогда и шиллинга зря не истратит, расставался с каждым фартингом, как со старым другом, которого больше никогда не увидит. Часами сидел и перебирал свои денежки. Вот и мисс Керси немного на него походила. Иногда днем запрется у себя в комнате и разглядывает все, что у нее есть.

– В полном одиночестве?

– Разок-другой меня звала.

– А не мисс Флору?

Уотсон покачала головой.

– Мисс Флора всегда говорила, что не видит никакого смысла в собирании множества цветных камней. О, какие же они были красивые, особенно некоторые! Был там один зеленый крест, который она любила больше остальных вещей. Весь из изумрудов. Она крутила его на свету, и он вспыхивал, как зеленый огонь. А потом она смеялась.

– Над чем? – удивленно спросил Крук.

– «Только подумай о людях, которые его носили, – говаривала она. – Подумай о торжествах, где он побывал. Его называют крестом Рональда, это известная вещь, Уотсон. Полагаю, никто никогда бы и не подумал, что в конце концов он окажется у меня».

– Вы правы, мадам, – искренне согласился Крук. – Жизнь – странная штука. По-моему, никто вообще так не думал.

– Там еще и другие были. Она глядела на них так, словно была влюблена. Мне как-то не по себе от этого становилось, потому что в конечном счете мисс Флора была права – это же всего лишь камни.

– Полагаю, вы никогда не знали, отдавала ли она что-то из драгоценностей?

Уотсон изумленно уставилась на него.

– Не думаю, да и в любом случае, кому ей было их отдавать? Сами видите, мисс Флора украшений не носит.

– Она не посылала ничего из них пожилому господину?

– По общим отзывам, он бы тоже не знал, что с ними делать. Неясно, был ли он женат. А если и так, то, похоже, не знал об этом. Нет, мисс Керси скорее бы с жизнью рассталась, чем с этими камнями. «За них мне пришлось потрудиться, – говаривала она. – Никто не знает, как потрудиться... Они воплощают больше, чем ты думаешь. Власть и силу, Уотсон». А потом она пожирала их глазами. Должна сказать, что от вида креста действительно дух захватывало.

– Так вы говорите, когда вы его видели в последний раз?

– Ну, примерно три месяца назад. На самом деле это было в мой день рождения, хотя мисс Керси, естественно, об этом не знала. Это был настоящий подарок. Разумеется, такие вещи никогда для меня не предназначались, но должна сказать, что мне нравилось глядеть на них. Я все время жалела, что мадам не соблюдала этикет, иначе у нее была бы возможность иногда надевать свои драгоценности. Но, по-видимому, ей доставляло такое же удовольствие просто разглядывать их.

– Очень интересно, – задумчиво произнес Крук. – Чрезвычайно интересно. Особенно если учесть, что мне стало известно, где крест Рональда находится последние полгода, и это отнюдь не Кингс-Уиддоус. – Не обращая внимания на начинавшее закипать в Уотсон негодующее недоверие, он продолжил: – Кстати, вы мне не сказали, где в Хемпстеде проживала семья Филлипс.

Перемена темы, похоже, смутила его собеседницу. Она произнесла довольно вялым тоном:

– Они жили на Полтон-террас, дом номер девятнадцать. На самом повороте. Из окна столовой открывался прекрасный вид.

– Надо будет не забыть взглянуть, – дружески произнес Крук. – И вот что еще. Полагаю, у вас нет фотографии пожилой дамы?

Уотсон скромно ответила, что она посмотрит, и через пару минут вернулась с двумя серебряными фоторамками, которые взяла из гостиной. С одной из фотографий смотрела женщина с решительным лицом и темными волосами, небрежными локонами опускавшимися до плеч.

– Мисс Керси, – торжествующе произнес Крук. – Ну конечно, фото сделано некоторое время назад...

– Я бы сказала, что да, – охотно согласилась Уотсон. – Двадцать лет назад.

На другой фотографии он узнал Чайного Колпака, тоже снятого довольно давно.

– Очень хороший портрет, – одобчительно произнесла Уотсон, глядя на первое фото. – Она и впрямь не сильно изменилась. Конечно, волосы поседели, и, возможно, на лице морщин прибавилось, но вы бы узнали ее так же легко, как глядя на это фото.

– Поживем – увидим, – отозвался Крук, подразумевая под «увидим» то состояние, в каком она теперь находилась, но об этом предпочел промолчать.

Когда Крук вышел в прихожую, из комнаты в дальнем конце коридора показался Хилл Грант. В руке он держал развернутую телеграмму.

– Это судьба, – весело отметил он, протягивая ее мисс Флоре. – Вызов в военное министерство. Теперь я смогу разыскивать тетушку за счет правительства.

– Вам доставляет удовольствие шутить на эту тему, – резко осадил его Флора. – Мистер Крук считает, что для семьи моей тети есть мало чего веселого. Что же до этого...

Она отдала ему телеграмму.

– Телеграмма же настоящая, – несколько обиженно запротестовал Грант. – Кажется, вы считаете, что она шифрованная и в ней на самом деле говорится: «Подложить бомбу Черчиллю под стул завтра в три часа дня».

Мисс Флора не обратила на его слова ни малейшего внимания. С совершенно невозмутимым видом Грант наклонился и подхватил чемодан, о который Крук уже успел стукнуться, и зашагал к лестнице со словами:

– На одну ночь мне ничего громоздкого не понадобится.

Флора вновь повернулась к Круку:

– Прошу вас, дайте мне свой номер телефона. Могу я с вами связаться сегодня вечером?

– Если Гитлер позволит, – согласился Крук, всегда готовый пошутить.

– Тогда, если тетя не появится к ужину, я дам вам знать.

– Лучше сообщите полиции, – посоветовал ей Крук. – Возможно, вы захотите, чтобы я сделал это и со своей стороны. В том случае, если ваш двоюродный брат Теодор не объявится к моему возвращению.

– Мой кузен Теодор меня не интересует, – ледяным тоном отозвалась мисс Флора.

– Тогда вы станете исключительнейшей женщиной в Британии, поскольку весь остальной мир встанет на уши из-за вашего кузена Теодора еще до того, как закончится дело.

Он выскочил на улицу и зашагал вместе с Хиллом Грантом по узкой дорожке.

– Этот дом стал бы шикарным подарком профессору Фрейду, – заметил он.

Грант удивил его, сказав:

– Знаете, мне жаль мисс Флору. И позволю отметить, что сейчас она обозлена, но мало кто может сравниться по характеру с ее теткой. Та бы затмила даже обувную ваксу.

– А как она сохраняет хорошие отношения со старухой? – поинтересовался Крук.

– О, тут все в порядке. Она пытается к ней подлизываться. Разумеется, с Уотсон они на ножах. Доверяют друг другу так же, как парочка угонщиков машин.

– Похоже, женщине ее возраста здесь не очень-то весело живется, – сказал Крук. – Ей ведь вряд ли чуть больше сорока.

– Ну, если бы она исчезла, то поле осталось бы за Уотсон. Всякий раз, когда мисс Флора начинает демонстрировать характер, мисс Керси говорит ей: «Жаль портить бочку меда ложкой дегтя. Ты убедишься, что стоило быть терпеливее, после того как меня не станет».

– В том смысле, что она оставляет все племяннице?

– Заметьте, – задумчиво ответил Хилл Грант, – я не знаю, много ли там чего оставлять. Мне тем более неизвестно, являются ли все эти старухины разговоры пустой болтовней или на самом деле она намеревается все отказать какому-нибудь приюту для кошек. Но я бы не удивился, услышав, что завещание составлено в пользу мисс Флоры. Я ожидаю от нее чего-то в этом роде. А почему бы и нет? При жизни она хорошо повеселилась. Она, знаете ли, обожает дразнить и заманивать, а ее племянница все время перед ней заискивает.

– Прямо в кошки-мышки играют, – остроумно заметил Крук. – А может, она скрытая миллионерша, как вы думаете?

– У нее есть чертовски дивные жемчуга, – заверил его молодой человек. – И тетушка мне как-то раз сказала, что, если мне интересно, она покажет мне кое-что гораздо лучше. Ну,

у бедняков обычно нет таких драгоценностей, а у мисс Флоры вообще ничего нет. Из этого следует, что мисс Керси несет все расходы по дому, а бедняку они не по карману.

– Она могла вложить деньги в ежегодную ренту, – предположил Крук. – Ведь точно никогда не знаешь.

– Вот об этом я не думал, – признался Хилл Грант. – И мисс Флора, по-моему, тоже.

– А мисс Флора много распространяется о будущем? – поинтересовался Крук.

– Она лишь говорит, что деньги вряд ли сослужат ей хорошую службу, ведь в глубокой старости не удастся наслаждаться ими. И все же я как-то не верю в то, что денежный мотив является решающим фактором для нее. Не хочу сказать, что Флора не смогла бы воспользоваться деньгами, но больше всего ей хочется быть первой рядом с теткой. По-моему, она ощущает, что никогда и ни для кого не была важнее всего на свете. Не знаю, понимаете ли вы меня...

Он немного беспомощно поглядел на Круга, словно ожидая, чтобы его подхватили на полуслове.

– Вы явно не бывали на Харли-стрит, где обитают медицинские светила, пусть даже по пустяковой причине, да? – спросил Крук и широко улыбнулся. – От всей этой психологический чепухи и законов компенсации мне хочется пить. Простой факт в том, что они с Уотсон чертовски друг другу завидуют. Привет, это что, почта? Мне нужно позвонить Биллу Парсонсу – а вдруг обнаружили какие-нибудь трупы? Я подумал, что из дома лучше этого не делать.

– Вы не попадете туда до половины третьего, – предупредил его Грант. – Почта закрывается с часу до двух тридцати. Никаких дел, даже если в обеденный перерыв заключат мир.

– А сейчас два двадцать. Да уж, в провинции особо себя не утруждают, а? Ну ладно, нет худа без добра. Я же сказал, что хочу пить.

И сохраняя свой постоянный оптимизм, он направился через улицу к «Трем королям».

В два сорок он уже говорил с Биллом.

– Похоже на то, – предположил он, – что ты не нашел ту частную лечебницу.

– Именно так, – ответил Билл. – Не нашел.

– И трупы тоже? – поднажал Крук.

– Я – нет, – признался Билл, – но полиция оказалась несколько инициативнее.

– Ты хочешь сказать, что у них есть тело?

– В полиции спрашивали о тебе, хотят, чтобы ты подъехал и опознал труп.

– Где они его нашли?

– В квартире этажом ниже, – последовал короткий ответ.

– Вот черт! – выругался Крук. – Все-таки это старый бедняга Чайный Колпак.

Но на самом деле то, что нашла полиция, оказалось телом тетки Чайного Колпака.

II

Пока Крук неспешно ехал в Кингс-Уиддоус, симпатичная девушка по имени Зигрид Петерсен наносила свой второй визит в квартиру на Брендон-стрит. Как она рассказывала мисс Фицпатрик, в марте ее находившийся по соседству дом разбомбили. С тех пор Зигрид кое-как жила между конторой и бомбоубежищем, где она работала в столовой. Через три недели после бомбежки кое-что из ее мебели удалось спасти, и она решила снять другую квартиру. Их было много по всему району, но ей приглянулась квартирка на втором этаже в доме мистера Круга из-за удобного расположения и размера комнат. Поэтому в полдень того дня, когда таинственно исчез Чайный Колпак, девушка торопилась снять замеры для штор и прочего, предварительно заручившись обещаниями риелторов связаться с предыдущей обитательницей жилья и незамедлительно вывезти ее вещи. Она уже приняла меры, чтобы избавиться от загадочного и леденящего душу шуршания, которое так напугало ее днем раньше. И все же Зигрид охва-

тил внезапный и совершенно необъяснимый ужас, когда она вставила ключ в замок и ей даже слышался голос по ту сторону двери: «Не входи. Не входи».

Страхнув эти смешные страхи, она повернула ключ и шагнула в темный коридор. Девушка приготовилась увидеть захламленную гостиную со всевозможным бархламом, собранным одержимым страстью к старью, чтобы создавать препятствия неосмотрительным визитерам.

«Наверное, квартира смотрелась очень странно, когда в ней стояла мебель, – подумала она. – Все выглядит так, словно выгружено с Ноева ковчега и основательно намочено».

Комната казалась зловещей и мрачной в тусклом свете, пробивавшемся сквозь щель в жалюзи. Можно было различить лишь неясные очертания мебели, дивана с лопнувшими пружинами, заваленного подушками, старыми цветастыми покрывалами с наброшенным сверху изъеденным молью ковром, резную надкаминную доску, прислоненную к стене, и сломанный торшер со съехавшим набок дырявым абажуром. Она осторожно ступала среди обломков.

Затем Зигрид почувствовала, как что-то хрустнуло под ногой, и решила, что наступила на какой-то незамеченный кусок отделки. Торопливо переступив через предмет, она добралась до окна и раздвинула жалюзи. Потом развернулась посмотреть, что же она раздавила. С некоторым удивлением девушка обнаружила, что этим предметом оказались плоские золотые часы с обрывком цепочки, которые, наверное, упали с кучи мусора и их не заметили.

«По крайней мере, они могли бы что-то получить за золотой корпус», – подумала Зигрид, наклонившись поднять часы. Стекло растрескалось под ее ногой, но циферблат остался цел. По как ни странно, часы показывали 12:10.

«Даже остановившиеся часы должны показывать точное время дважды в сутки», – напомнила она себе, откладывая их в сторону. Девушка искала, на что встать, чтобы сделать замеры для штор на окна. Она решила, что для них подойдет длинный тюль, а также кремовые ситцевые занавески с узором из синих цветов и черная широкая ткань по краям для светомаскировки. Кроме того, ей пришлось сделать замеры для ламбрекена.

Понадобилось примерно пять минут, чтобы произвести нужные расчеты, стройной симпатичной девушке, ниже среднего роста, радостно улыбавшейся при мысли о том, что у нее снова появится свой дом и не надо будет задумываться, кто ее соседка или соседки. Когда она слезла с шаткого буфета, на котором стояла, ее взгляд снова упал на часы. Теперь стрелки показывали 12:15. Зигрид изумленно нахмурила брови, напомиравшие золотые перышки над сверкающими голубыми глазами. Она взглянула на свои небольшие дамские часики.

Они также показывали 12:15.

«Я, наверное, ошиблась», – подумала она, беря часы в руку и машинально поднося их к уху.

И в тот же момент испытала жуткое потрясение.

Часы все еще тикали.

Ее едва ли можно винить в том, что в первые секунды она не смогла осознать, какой из всего этого следует вывод. Часы, тикающие в помещении, много месяцев стоявшем запертым!

Риелторы предупреждали ее, что в квартире будет много грязи и мусора, потому что за ней не присматривали целый год. И тут до нее начали настойчиво доходить только что открывшиеся факты.

ЧАСЫ ТИКАЛИ В КВАРТИРЕ, КУДА ЗА ГОД НЕ ВХОДИЛ НИКТО, КРОМЕ НЕЕ!

И еще... разве не странно, что она не заметила их еще вчера? Ведь они лежали посередине комнаты, где их просто нельзя было не заметить.

Потом... заходил ли сюда кто-нибудь со вчерашнего дня, чтобы осмотреть жилище? Но риелтор во второй раз протянул ей ключ со словами: «Вообще-то можете оставить его у себя. Похоже, квартира больше никого не интересует». Так что это не объяснение.

«Но часы, показывающие верное время, не падают с неба, – подумала она. – Кто-то их сюда принес».

Зигрид боязливо огляделась, словно ожидая, что принесший часы выйдет прямо из стены. Ее взгляд упал на диван. Странно, что она не заметила – казалось, беспорядочно разбросанные подушки поразительным образом напоминали бездыханное тело.

«Хорошо, что вчера у меня воображение так не разыгралось, – подумала Зигрид. – Со мной бы, наверное, случилась истерика, прежде чем я поняла бы, что это лишь подушки».

Тем не менее ее зачарованный взгляд вновь и вновь возвращался к дивану. Несмотря на положительную оценку квартиры, она вдруг почувствовала, что благоразумнее будет все-таки отказаться от переезда сюда. Комнаты хранят собственную атмосферу, и она поняла, что никогда не почувствует себя здесь свободно и ей будет казаться, что кто-то преследует ее.

Она перевела взгляд с часов в ладони на заваленный диван.

«Ладно, возьми себя в руки, – с отвращением приказала она себе. – Ты же знаешь, что это всего лишь подушки».

Протянув руку, она сдвинула в сторону изъеденное молью покрывало.

По дому разнесся ужасный пронзительный визг. Казалось, он врезался в потолок, разлетелся на мелкие кусочки и вновь отдался эхом. На какое-то мгновение Зигрид не могла сообразить, откуда донесся звук. Она подумала, что, возможно, *это* на диване...

Зигрид закрыла лицо руками. Из-под покрывала виднелась нога в черной лакированной туфле, и она еще тихонько покачивалась... В наступившей тишине девушка явственно слышала, как тикают часы.

Тик-так, тик-так – мерт-вяк, мерт-вяк.

«Я схожу с ума», – подумала Зигрид, и часы эхом отозвались: тик-так, тик-так – схо-жу-су-ма.

Она по-прежнему не могла шевельнуться.

Девушка медленно отвела руки от лица и, не отрываясь, глядела на *это*, которое, казалось, сверлило ее ответным взглядом. Но этого, конечно, и быть не могло, поскольку, что бы ни твердило разыгравшееся воображение, мертвые ничего не видят.

К тому же, вне всякого сомнения, *это* на диване, задушенное и с торчавшим изо рта кляпом из кухонного полотенца или посудной тряпки, было мертвым.

Как только по дому разнесся женский крик, миссис Дэвис в квартире номер 3 поставила чашку и вышла на лестничную площадку. Миссис Тейт в квартире номер 4 тоже отодвинула в сторону стакан, открыла дверь и, перегнувшись через перила, посмотрела вниз. Две дамы знали друг друга в лицо, однако тщательно соблюдали соответствовавшие их положению требования, запрещавшие тесное общение.

– Вы там ничего не слышали? – через пару секунд осведомилась миссис Дэвис.

– Вообще-то слышала, – подтвердила миссис Тейт. – Чуть не испугалась. Хорошо, что я тогда сидела.

– Я тоже, – отозвалась миссис Дэвис. Ведь обе дамы со всей душой откликнулись на призыв правительства экономно и рачительно пользоваться домашней утварью вроде швабр и тряпок, поскольку скоро новые негде будет взять. – Интересно, что это было.

– Вовсе не такие звуки рассчитываешь услышать в приличном доме в такое время суток, – заметила миссис Тейт, словно отчаянные крики среди ночной темноты были совершенно в порядке вещей.

– Я тоже не знаю, кто бы мог так визжать, – добавила миссис Дэвис. – Квартира внизу пустует.

– Совершенно верно, – мрачно подтвердила миссис Тейт.

Затем раздались другие звуки. Уже не визг и крики, но нечто еще более ужасное, от чего застыла бы кровь в жилах и по спине побежали мурашки даже у самых невпечатлительных натур. До их ушей долетели стоны и рыдания.

О-о-й-й! О-о-й-й!

Словно раненый зверь, с содроганием подумала миссис Тейт.

– Похоже, убивают кого-то, – заметила миссис Дэвис.

Этажом ниже раздался голос:

– Есть там кто-нибудь?

Ни одна из дам сразу не откликнулась. Непозволительно им признаваться в том, что они подслушивают на лестнице.

– Прошу вас! – долетел до них страдальческий голос. – Есть там кто-нибудь?

Миссис Дэвис, как оказавшаяся ближе из них двоих на лестнице, спросила с изысканными нотками в голосе:

– Кто-то звал на помощь?

– Ой, пожалуйста, спуститесь сюда скорее. Тут что-то... случилось. Это просто ужасно.

Условности были соблюдены, и обе дамы ринулись вниз, как штормовые волны. Они обступили вздрагивавшую хрупкую фигурку в синем.

– Ну же, дорогая, – внушительно произнесла миссис Тейт. – Что произошло? Вы сильно напугались?

Зигрид лихорадочными жестами показывала на дверь у себя за спиной.

Миссис Дэвис чопорно выпрямилась во весь рост.

– Она увидела черного таракана, – заявила она. – Иногда девушки от этого пугаются. Вот я в детстве...

– А вот меня в детстве, – едко заметила миссис Тейт, – мать бы отходила палкой за то, что я переполошила весь дом из-за черного таракана. Но, по-моему, это был не таракан, верно, дорогая?

Зигрид повернула голову, и они впервые увидели ее лицо. Обе дамы были весьма поражены.

– У нее сильное потрясение, – заявила миссис Тейт. – Я же вам говорила, что это не таракан. А теперь, дорогая, расскажите нам с миссис Дэвис...

– Вон там, – прошептала Зигрид, дрожащей рукой указывая на дверь.

– Но квартира же пустая, – возразила миссис Дэвис.

Зигрид покачала головой:

– Уже нет. Вчера днем она пустовала, а сегодня уже нет.

– Нам надо бы взглянуть на то, о чем говорит девочка, – сказала миссис Дэвис.

Зигрид протянула руку, чтобы остановить ее.

– Нет, не надо, – прошептала она. – Вы ничего не знаете. Нам нужно вызвать полицию.

– Уверена, что обойдемся безо всякой полиции, как всегда, – заявила миссис Дэвис. – Я пойду взгляну, что там.

Они вместе вошли в квартиру и остановились, моргая и привыкая к полумраку коридора. Миссис Тейт бросила взгляд через плечо.

– Где, дорогая? – спросила она.

– Вон там, налево. Но только не входите туда, не входите.

После этой страстной мольбы даже разъяренный бык не помешал бы двум спутницам девушки в случае необходимости выломать дверь. Тем более они закалились, присутствуя при родах и сидя у постелей умирающих от неизлечимых болезней. Тем не менее миссис Тейт поспешно водворила покрывало на место, говоря что-то об уважении к мертвым, на это миссис Дэвис ответила, что сотворивший такое вовсе не питал особого уважения к бедной убиенной

душе. Они вернулись к Зигрид, которая вся позеленела, и сказали, что ей надо идти в полицию, и хотя никто из них никогда раньше не имел дела с этими субъектами, они пойдут вместе с ней.

– Спасибо вам, – еле слышно прошептала Зигрид.

– Вы иностранка, да, дорогая? – спросила миссис Тейт.

– Я норвежка, – шепотом ответила Зигрид.

– Вот это досталось, – сказала миссис Тейт. – Сначала Гитлер вторгся в ее страну, потом разбомбили ее дом, и вот теперь труп в ее квартире.

Спускаясь по лестнице, они попытались выудить у нее еще какую-то информацию, но девушка лишь слабо качала головой.

Со своего места у подвального окна мисс Фицпатрик увидела, как они втроем выходили на улицу. Занеся этот факт в свою тетрадку, она немного подкрепилась. Потом села за фисгармонию и, подпевая, заиграла гимн под названием «Все дивное и прекрасное».

Она еще продолжала играть, когда прибыла полиция: старуха заметила ее из своего окошка. Некоторое время спустя – довольно продолжительное время – кто-то тяжело затопал по ведущим в подвал ступеням, и «они» постучали в дверь. («Они» в понимании мисс Фицпатрик всегда относились к полицейским, тогда как мистер Крук подразумевал под словом «они» злачные заведения.) Они сказали ей, что на втором этаже найден труп женщины, и задали несколько вопросов.

– Ха! – глубокомысленно отозвалась мисс Фицпатрик. – Я полагаю, что это старуха мистера Крука.

Сержант уголовной полиции Бенхем потребовал от нее дальнейших объяснений. Он был не уверен, имеет ли она в виду некую миссис Крук, о существовании которой никогда не догадывался, или же какую-то другую особу.

– Он спустился ко мне сегодня утром и сказал, что потерял какую-то пожилую даму, – добавила мисс Фицпатрик. – Хотел узнать, видела ли я ее, но, конечно же, мне не удалось ее заметить. Ну, сказал он, смотрите в оба на тот случай, если она сегодня появится, хотя не думаю, что мистер Крук ожидал ее появления там, где вы ее нашли.

– Мистера Крука нет дома, – сболтнул Бенхем.

– Он объявится сегодня вечером, – заверила его мисс Фицпатрик. – Сказал, что зайдет со мной поговорить. Только приходите до затемнения, ответила я ему, иначе вы ко мне не попадете, будь вы хоть сам мистер Черчилль.

Полиция задержалась, чтобы задать еще несколько вопросов, которые, насколько она понимала, никак не проливали свет на суть дела. Старуха отказалась подняться и взглянуть на труп, поскольку, по ее словам, с начала бомбежек она повидала массу трупов, а какой смысл себя расстраивать? Кто бы ни была покойница, в ее подругах она не числилась, потому как их у нее вообще не водилось. После того как сержант поневоле оставил следы своих огромных ботинок на ее вымытом до блеска линолеуме, мисс Фицпатрик села за фисгармонию и заиграла «Люблю Тебя, мой Боже...».

Глава 5

*Вот это место. Стой, мой конь, Дай оглядеться мне окрест,
Чтобы позвать из прошлого глубин Всех тех, кто там когда-то был.
Генри У. Лонгфелло*

I

Крук со своим попутчиком с комфортом доехали до Лондона.

– Жаль, что приходится ездить из столицы в провинцию, – задумчиво произнес Хилл Грант. – Вспомните сегодняшнюю утреннюю давку и сравните с тем, что видите. Можно каждому ехать в отдельном вагоне, если у него дурное настроение.

Однако Крук находился в прекрасном настроении, и так они ехали вместе до самого вокзала Паддингтон. Пройдя через турникет, Грант сказал:

– Если я вам зачем-нибудь понадоблюсь, то я остановился в «Спортивно-театральном клубе». Не могу сказать, как надолго, потому как война от меня не зависит, но сегодня вечером я в любом случае буду там.

– Вы станете небесным даром для полиции, – заверил его Крук. – Им понадобится кто-нибудь, чтобы опознать тело, а может быть, этого не будет нужно, как уж там дело пойдет. Я им не гожусь. Показания постороннего – не доказательство, и как бы там ни было, я никогда не видел старушку в реальной жизни.

– Мне не хотелось пугать мисс Флору, – рассудительно произнес Грант, – но вам я вполне могу признаться, что мне все это не нравится. В конце концов, шляпа тетюшки была сама по себе известна так же, как мыс Бичи-Хед, и кажется маловероятным, что ее оставили в квартире вашего друга просто смеха ради.

– Мне это тоже именно так представляется, – согласился Крук, – однако мы с вами, Грант, все же не полиция. Никому не известно, что они раскопают, и если это будет Лохнесское чудовище, то я не удивлюсь.

Крук видел, как Хилл крикнул «Такси!», прыгнул в машину и дал адрес в Уайтхолле, в то время как сам он более экономно, хоть и медленнее, добрался до Эрлс-Корт. Как только Крук поставил ногу на нижнюю ступеньку лестницы, он услышал, как его позвали тихо, но властно. Опустив взгляд, он увидел в подвальном оконце лицо Отшельницы, которая загадочно поманила его рукой. Крук, никогда не спешивший вступать в общение с полицией, весело зашагал к задней двери.

– Заходите, только тихо, – предупредила она его. – Вы Гарри разбудите. – Гарри звали канарейку. – Они до сих пор наверху, – продолжила она. – Шастают туда-сюда целый день. Думаю, ждут, пока вернетесь вы и тот мужчина... как вы его называли?

– С чего бы им думать, что я что-то знаю? – поинтересовался Крук.

– Ну, я сказала им, что это, может быть, ваша старуха.

Крук широко улыбнулся.

– И как они на это отреагировали?

– Просто спросили, когда вы вернетесь. Не удивлюсь, если они там снимают отпечатки пальцев.

– Со старухи?

– Так или иначе, но они шныряли вверх-вниз, а та женщина, что у вас работает, если можно это назвать работой, сказала, что полицейские там все фотографируют и еще непонятно что делают.

– В той квартире взять особо нечего, – успокоил ее Крук. – А что с телом?

– Увезли ее – после того как я им сказала, что она, скорее всего, ваша, – перешла старуха на драматический шепот.

– Полагаю, через минуту вы мне скажете, что на самом деле они ее нашли у меня под кроватью, – смиренно произнес Крук.

– О, нет. Она лежала на диване, а не под ним.

– И кто ее обнаружил?

– Девчушка, которая вчера заходила. Она хотела еще раз взглянуть на квартиру.

– Наверное, до смерти перепугалась.

– Она завизжала.

– Я ее не виню. А что насчет третьего этажа? Его обитателя не видели?

Отшельница горячо замотала головой.

– Как по мне, так его найдут в другой квартире.

– Чрезвычайно вероятно, сдастся мне, – согласился Крук.

– По тому, как говорил этот полисмен, можно было подумать, что я его за часами спрятали. – Она задумалась. – И вовсе не его заслуга, – продолжила Отшельница, имея в виду сержанта уголовной полиции Бенхема, – что в доме не оказалось еще одного трупа.

– Я обязательно ему это передам, – одобрительно сказал Крук. Он протянул свою большую ладонь к клетке и громко щелкнул пальцами. Канарейка тут же проснулась и запела. Крук вышел из подвала и зашагал вверх по лестнице.

На втором этаже открылась дверь, и кто-то произнес:

– Мистер Крук?

– Извините, что потревожил вас, – ответил Крук, бесшумно пятясь назад, поскольку бережного бог бережет. А уж если есть один труп, то почему бы второму не появиться?

Бенхем представился. Крук пригласил сержанта выпить пива, однако выяснилось, что даже во внеслужбное время он его не употреблял. По выходным играл в хоккей за команду полиции и боялся, что из-за пива потеряет форму.

Крук лишился дара речи, что дало Бенхему преимущество.

– Мы нашли на втором этаже тело и хотели бы, чтобы вы на него взглянули, – заметил он. Это был высокий коренастый человек с таким вытянутым подбородком, что казалось, будто рот у него располагается посередине лица.

– А шляпу? – пробормотал Крук.

– Шляпу? – изумленно переспросил Бенхем.

– Ну, принадлежавшую даме.

– Шляпу мы не нашли. Но ведь теперь дамы не всегда их носят.

– Она совершенно точно надела ее, когда уезжала из Кингс-Уиддоус, если, конечно, это моя старуха.

– Ваша старуха?

– По фамилии Керси.

Бенхем замер.

– С такой же фамилией, как у жильца с третьего этажа.

– Это могла быть его тетка, – мечтательно произнес Крук. – Он гадал, где же она. И многие другие тоже.

– Мистера Керси целый день нет дома, – сказал Бенхем.

Крук посмотрел на часы.

– Рановато еще, наверное. Не знаю, я, как правило, и сам не возвращаюсь в это время.

– Похоже, он ушел очень рано.

– Я всегда говорю, что надо пораньше встать, чтобы меня застать, – ответил Крук, – но сегодня утром он поднялся еще раньше. Знаете, этот дом начинает обретать дурную славу. Из

одной квартиры ночью испарился мужчина, в другой на следующее утро находят труп. Надеюсь, это не зловещее предзнаменование. Собственно говоря, если это мисс Керси, то вам нужен человек по имени Хилл Грант. Он несколько недель живет в доме мисс Керси и хорошо ее знает. Я эту даму в жизни ни разу не видел. Гранта можно найти в «Спортивно-театральном клубе», если он, хотя бы временно, не работает в военном министерстве.

Бенхем воспользовался телефоном Крука, и ему повезло застать Гранта в клубе.

– Это все ошибка, – с тоской в голосе сказал он Круку, когда появился на Брендон-стрит. – Похоже, они считают, что я слишком ценен, чтобы рисковать мною в Египте. Они приберегают меня для какого-то очень крупного дела. – От его легкомыслия не осталось и следа. – Послушайте, новости какие-нибудь есть?

– Полиция надеется, что вы их расскажете, – ответил Крук, после чего они втроем направились в морг.

Тело пожилой женщины небольшого роста выглядело, как это всегда бывает с мертвецами, чуть меньше в размерах, нежели при жизни. Как выяснилось, она была в черном платье, щедро украшенном черным янтарем, в ушах висячие серьги с гагатом, на ногах старомодные черные туфли с отделкой из черного стекла, из украшений – разнообразные цепочки и браслеты. Дамской сумочки в квартире не обнаружили, и установить ее личность возможно было лишь при опознании кем-то из близких друзей или родственников. Нитки жемчуга на ней не оказалось.

– Да, это мисс Керси, вне всякого сомнения, – мрачно подтвердил Грант. – Послушайте, ведь зрелище не из приятных, не так ли? – Он резко отвернулся. – Господи, что же с ней сделали?

– Ее ударили по голове и оглушили, – бесстрастно ответил Бенхем, – а потом задушили.

– А орудие вы нашли? – спросил Крук.

– В квартире находилось несколько предметов, которые могли использовать как орудие, но большинство из них покрыты слоем пыли и жира, и отпечатки пальцев мы не обнаружили. Разумеется, у нас не было никаких указаний на то, где произошло убийство. Итак, мистер Крук, исходя из ваших слов, мы вполне оправданно можем обыскать квартиру мистера Керси, если он не вернется.

– Боже правый! – воскликнул Грант. – Вы же не думаете, что и с ним тоже что-то случилось?

– Насчет таких субъектов никогда точно не знаешь, – заверил его Крук. – Он может внезапно оказаться при дворе короля Артура. Есть у него такой пунктик.

Бенхем угрюмо заметил:

– Хм, это было бы подходяще, но закон есть закон.

Он расспросил Гранта о поездке мисс Керси в Лондон и сказал, что им необходимо будет связаться с ее племянницей, чтобы она прибыла на дознание. Затем они вернулись на Брендон-стрит, где Бенхем подробно рассказал о событиях предыдущего дня.

– Вы не нашли ничего странного в том, что этот человек пытался попасть к вам в квартиру? – подозрительно спросил он. – В нормальной ситуации подобного не ожидаешь.

– К Чайному Колпаку такие слова неприменимы, – ответил Крук. – То, что нормально для нас, станет для него безумием и наоборот.

Он не стал откровенничать с полицией насчет подозрений, буйствовавших в его голове, словно вставшие на задние лапы львы на геральдическом щите. Если у полиции есть свой святой-покровитель, то это наверняка святой Томас Грэграйнд с его верой в факты и ничего, кроме фактов, в то время как Крук обращал внимание на захватывающие и несколько притянутые за уши фантазии.

В доме на Брендон-стрит Чайного Колпака по-прежнему не было. На ступеньке перед дверью его квартиры лежал бумажный сверток с бельем.

– Он обычно возвращается после закрытия Британского музея, – пробормотал Крук. – Я не знаю, когда там заканчивают работу.

– Он должен быть здесь до этого, – твердо ответил Бенхем.

– На самом деле у него была на девять тридцать утра назначена встреча со мной, – добавил Крук. Эти слова, похоже, подвигли полицию на решение.

– Мы войдем к нему в квартиру, – заявил сержант.

– Вы, вероятно, найдете ключ на обычном месте, – спешно сказал Крук, упредив взлом двери с помощью фомки.

Миссис Дэвис, по-видимому, произвела обычную в своем понимании уборку. Она размазала все отпечатки пальцев, которые возможный преступник оставил в помещении, переместила пыль по всему полу и оставила в углу грязную тряпку, словно корявую подпись. На столе лежала полуграмотная записка: «Сожалею завтра не приду». Письмо от мисс Керси все так же стояло на каминной полке, Бенхем вынул из конверта листок и взглянул на него.

– Он открыл его в моем присутствии, – любезно заметил Крук.

Полисмен недружелюбно посмотрел на него.

– Во второй раз, – произнес он.

Крук нахмурил рыжие брови. Полиция нечасто его обставляла.

– Этот конверт, – подчеркнул Бенхем, – открыли и снова аккуратно заклеили, а потом заново вскрывали не совсем в том же месте. Итак, вы не видели, как прошлым вечером мистер Керси во второй раз запечатывал его?

– Пока я находился здесь – нет, не видел.

– И он не был заклеен, когда мы вошли. Это означает, что его открыли до вашего прихода. И вот что еще, – добавил сержант, оглядывая комнату, – похоже, здесь нет других неоткрытых писем. Так где, вы говорите, оно лежало?

– Поверх вон тех газет.

– И он сразу узнал почерк? А она время от времени присылает ему деньги? И тем не менее он не удосужился его открыть. Хм-м.

Полицейский прошел из гостиной в спальню, но это ему ничем не помогло. Кровать была застелена небрежно, и без показаний миссис Дэвис было невозможно определить, спали ли на ней прошлой ночью. Бенхем спрашивал адрес этой женщины, но никто его не знал. Крук посоветовал расспросить миссис Тейт, хотя та вряд ли чем могла помочь.

– Скорее всего, нет, – согласился Бенхем не сулившим ничего хорошего тоном. – Я оставлю снаружи человека, и если он заметит любого входящего, то его остановит. Если вы, мистер Крук, что-то услышите о мистере Керси, мы бы очень хотели это знать.

Крук вспоминал события прошлого вечера. Тогда он говорил себе, что, возможно, сует голову в капкан, и все же – все же – зачем втягивать в это его, человека по фамилии Крук, который и выглядел, и вел себя, как бульдог, уж будьте покойны – если раз вцепится, то уже не отпустит?

Когда полиция удалилась, он повернулся к Хиллу Гранту.

– Пива? – предложил он. – Верно. А я вот не откажусь.

– Все это просто ужас какой-то, – сказал Грант. – Какой смысл кому-то бить бедную старуху по голове? Вижу, что полиция прекрасно соображает, что к чему.

– Дважды один – два, – пояснил Крук, – а дважды два – четыре. Однако дважды четыре – девяносто шесть, если знаешь, как счет вести. То есть если в полиции служишь, – закончил он.

Крук никогда не отзывался о полиции справедливо. Он говорил, что не его это работа – чудеса творить.

Они немного поговорили о том о сем, а потом Грант сказал:

– Я тут подумал о мисс Флоре. Полагаю, что полиция позвонит ей?

– Они свяжутся с местной полицией, – ответил Крук, – а та уже расскажет мисс Флоре о случившемся.

Хилл вздохнул.

– Жаль, что она всегда так враждебно настроена. В том смысле, что хотя бы себя пожалела. Послушайте, ей придется увидеть то же... что и мы?

– Боюсь, что да, – кивнул Крук.

– Она довольно сильно предана своей тетке и построила свою жизнь вокруг нее. Не знаю, что она дальше будет делать.

– Идет война, – бесстрастно отозвался Крук. – Любой может найти работу. К тому же, если старухе было восемьдесят, мисс Флора наверняка понимала, что ее тетушка не вечна.

– И тем не менее такая ее смерть станет для нее огромным потрясением.

– Я начинаю задумываться над тем, что, возможно, такая ее жизнь тоже может явиться для нее потрясением, – пророчески произнес Крук и открыл очередную бутылку пива.

II

Перефразируя автора псалмов, Крук мог сказать: «Тьма и свет – мне все едино» и, хотя уже давно наступило затемнение, вернулся в свою контору на Блумсбери-стрит, где его ждал Билл Парсонс. Это был высокий мужчина с некогда привлекательным лицом, прихрамывавший при ходьбе. Хромота напоминала о тех временах, когда он еще не встал на путь истинный и, играя против представителей закона и порядка, обычно вчистую выигрывал. Много лет назад Билл был одним из самых известных в стране похитителем драгоценностей, но во время одной особенно захватывающей погони он получил пулю в пятку. Тогда Парсонс закончил свою карьеру в относительно молодом возрасте и, по словам Крука, перешел на сторону ангелов. Он стал «адъютантом» Крука, получая такое жалованье, от размера которого у многих коммерсантов глаза бы на лоб полезли. Но Крук говорил, что тот незаменим, поскольку он знал обе стороны медали. Парсонс поставил условие, что никогда не окажется замешан в преследовании любого человека, с которым он когда-то работал, но поскольку бо́льшая часть клиентов Крука обитали в преступном мире, подобные случайности возникали крайне редко.

На стороне добродетельных граждан вся сила и мощь полиции, любил говаривать Крук. Вы должны позволить пороку иметь особого рода ходатая. К тому же, что бы ни представлял собой порок, он не мелочен и не скуп. Щедро платит за доказательства того, что он не совершал чего-то, хотя явно виноват в этом. Добропорядочный человек ожидает, что вы на слово поверите в его невиновность, и ему претит мысль о том, что для подтверждения ее придется залезть в карман. Так что в большинстве случаев его рука не очень часто туда залезает.

– Новости есть? – спросил Билл, как только Крук вошел.

– Ну, как мы с тобой знаем, не всегда полезно рассказывать полиции все до конца, – ответил Крук. – Там народ неблагодарный, и они всегда уверены, что раскопают все сами при очень большом желании, будь у них возможностей меньше, чем у нас. Но это дело обещает стать чертовски интересным. Вот, например, что тебе известно о кресте Рональда?

– Я знаю, что он не в Англии и не засветился здесь за последний год, – сразу же отозвался Билл.

– А ты знаешь, кто его вывез из страны?

– Андерсен им занимался, но откуда он его взял... нет, этого я тебе сказать не могу.

– А я могу, – без обиняков заявил Крук. – У мисс Клэр Керси. И я много бы дал, мой мальчик, чтобы взглянуть на всю ее коллекцию.

– Вот черт! – воскликнул Билл. – А она-то как его раздобыла?

– Есть только два способа раздобыть подобные штуки, – напомнил ему Крук. – Первый – это заплатить, но я как-то не думаю, что она это сделала, и второй – это надавить...

– Шантаж? – Билл изумленно приподнял брови. – Вот, значит, в какие игры она играет?

– По-моему, да, Билл, именно в такие. Однако, будучи человеком осторожным и заботящимся о своей репутации, я все это тщательно проверю. Итак, по словам мисс Флоры и экономки, миссис Филлипс, жена врача, умирая от гриппа в одна тысяча девятьсот восемнадцатом году, оставила своей компаньонке мисс Клэр Керси две тысячи фунтов. Однако, по словам все той же экономки, у миссис Филлипс не было ни гроша, а доктор Филлипс вел себя несколько старомодно касательно выплаты жалованья компаньонке. Более того, хотя жена врача выделила мисс Керси две тысячи фунтов за менее чем двухгодичную преданность, она не вознаградила экономку за многолетнюю верную службу даже полукроной, что кажется мне очень подозрительным.

– Короче говоря, полный туман, – сухо заметил Билл.

– Ну и как тебе все это нравится? Разумеется, я знаю, что получить что-то из ничего – это верный способ стать миллионером, но если жена врача собиралась обеспечить будущее нашей мисс Керси, почему она хотя бы при жизни не платила ей жалованье? Ответ: потому что у нее не было необходимых...

– А у врача средства были? И мисс Керси это знала?

– Она знала еще кое-что и извлекла из этого выгоду. Мне очень интересно, есть ли какая-нибудь подноготная у болезни покойной миссис Филлипс, – заметил он. – Уотсон сказала, что доктор Филлипс снова женился.

– Одна тысяча девятьсот восемнадцатый год был давно, – отозвался Билл.

– Надо бы все же проверить, – сказал Крук. – Ведь даже филантроп не расстанется с двумя тысячами просто так. К тому же после смерти жены он оттуда уехал и обосновался в другом месте.

– В том смысле, что в Хемпстеде о нем пошло слишком много разговоров?

– Это твои слова, Билл.

– А ты думал о том, чтобы разыскать его? – поинтересовался Билл.

– Чтобы спросить, убил ли он свою жену двадцать лет назад? А что, вполне. Нет. Форстер – вот кто нам нужен. Именно он был лечащим врачом миссис Филлипс на время ее смерти. И если там пахло темными делишками, он не мог такое забыть.

– Забыл бы, если бы здраво рассуждал, – возразил Билл.

– Возможно, я смогу освежить его память, – предложил Крук.

– А доказательства?.. – начал Билл, но Надежда Преступников бесцеремонно его оборвал:

– Не нужно никаких доказательств. Репутация врача – штука чертовски более весомая, нежели репутация какой-то светской дебютантки. Один лишь шепоток нанесет ему непоправимый вред. Я нечасто схожусь во мнениях с Чайным Колпаком, но по одному вопросу я полностью с ним согласен: двадцать лет назад – это то же, что вчера. К тому же, Билл, черт побери, если женщина вроде Клэр Керси добропорядочный человек, откуда она знает о кресте Рональда? Нет, она точно вела тайную жизнь, можно поставить на это последнюю рубашку.

– Похоже, ты не нашел никаких наводок на другие драгоценности? – задумчиво пробормотал Билл.

– Полагаю, что их держали в надежном месте. Все, кроме этой загадочной нитки жемчуга, оцененной в пять тысяч фунтов. Не спрашивай меня кем, – быстро добавил он, – потому что я сам не знаю. Однако, по словам племянницы мисс Керси, старуха надела ее, собираясь в Лондон, а по словам экономки, она не повела бы себя так глупо.

– А по словам полиции? – тотчас же спросил Билл.

– Полиция, похоже, и не слышала о жемчугах, – простодушно ответил Крук. – Забавно, Билл, если вдуматься, а?

– Глубоко она сети закинула? – не без восхищения заметил Билл. – Пара тысяч от врача – это одно, но штучки вроде креста Рональда – это уже кое-что посерьезнее.

– А знаешь, что она сделала с двумя тысячами? – спросил Крук. – Я тебе расскажу. Открыла агентство по трудоустройству. Компаньонки, личные секретарши и прислуга высшего ранга.

– Полагаю, мисс Керси досконально знала, что к чему, наблюдая изнутри дома, где служила.

– Еще бы, она знала все ходы и выходы. И очень даже неплохо, чтобы не терять связи со своими работницами. Они все время возвращались к ней, чтобы поступить на очередную службу. Она с ними переписывалась, приглашала на чай. И за все те годы, пока мисс Керси держала «Агентство Кей», она собрала несколько безделушек вроде креста Рональда и пропавших жемчугов, а также, позволю себе предположить, некоторое число других музейных ценностей.

– И с тех пор как мисс Керси оставила «Агентство Кей» – а я понимаю, что именно так она и поступила, она рассталась с крестом Рональда и, вероятно, с пропавшими жемчугами тоже?

– И со всем с остальным, Билл. Можешь покопать насчет этого «Агентства Кей». Уотсон, которой, конечно, ничего не угрожает, говорит, что мадам оставила агентство пять лет назад из-за состояния здоровья. Я спросил насчет репутации и престижа конторы, она ведь должна чего-то стоить, но, по ее мнению, об этом речь не заходила. Разумеется, нашей старой даме могло стать жарковато оставаться в Лондоне. Возможно, она слишком сильно кого-то прижала. Женщина с ее положением – лакомая добыча для остальных.

– Большие хищники пожирают малых, – предположил Билл и задумался. – И как ты думаешь все это раскапывать?

– Остается только один путь, – логично рассудил Крук.

– Не через крест?

– Конечно, нет. Предположить, что выступит Андерсен и скажет, что имел с ним дело? Или какой-то другой посредник? Да ни за что на свете. Возникнет слишком много вопросов. Крест так же хорошо известен в одних кругах, как породистая борзая – в других. Еще эти жемчуга. Предположим, что они и вправду существуют, что, скорее всего, так и есть. К кому их понесла мисс Керси? Снова к Андерсену? Или к Пёрди Мартину? Или к Фредди? Мы не знаем и, более того, никогда не узнаем. Скажу тебе без обиняков, Билл, не хотел бы я оказаться на месте Бенхема в этой интермедии. У половины его свидетелей есть веские причины оставаться в тени. Послушай, я собираюсь покопаться в истории покойной с той стороны, что связана с доктором Филлипсом. Пока это наш единственный шанс.

– И ты думаешь, что Филлипс все выложит двадцать лет спустя? – недоверчиво спросил Билл.

– Врачи – не единственные, кто может влиять на людей, – сухо осадил его Крук. – Конечно же, я рассчитываю, что он еще жив. Я заскочу к нему утром. А ты тем временем покопай про Чайного Колпака и «Агентство Кей», хотя вряд ли есть причины думать, что они чем-то связаны, разве что смертью мисс Керси. Я не очень-то жалую поэтов, сам знаешь, Билл, но иногда они говорят толковые вещи, что мир не таков, каким он кажется. Хотя, если на то пошло, так сказал совсем другой человек, а поэт просто вставил эти слова в свой стих.

Высказав это веселое и меткое наблюдение, Крук нахлобучил на голову котелок и вернулся в Эрлс-Корт.

III

На следующее утро, чисто по привычке, он нажал кнопку звонка квартиры номер 3 и, не видя и не слыша никакой реакции, быстро спустился по лестнице и отправился на метро в Западный Хемпстед. С помощью медицинских и телефонных справочников он нашел некоего

доктора Эрскина Форстера, который, как он решил, возможно, тот самый врач, что ему нужен. Чтобы убедиться во всем наверняка, он отправился в регистрационную палату, где объяснил, что он адвокат, которому от имени клиента требуется подтвердить факт кончины некоей миссис Филлипс, жены доктора Чарлза Филлипса, которая предположительно скончалась во время эпидемии гриппа в 1918 году. Архивариус оказался тем, кого в 1915 году называли «запасником». Потратив массу сил и времени, ему удалось разыскать в книгах запись касательно некоей миссис Мюриель Филлипс, умершей от гриппа 3 декабря 1918 года. Свидетельство о смерти подписано доктором Эрскином Форстером.

– Он все еще в наших краях? – без особой надежды поинтересовался Крук, и архивариус подтвердил, что да. Поэтому Крук тотчас же отправился на Брайнинг-стрит, где его почти сразу проводили в кабинет к небольшого роста человеку с красноватым лицом, шестидесяти с лишним лет. Увидев врача, Крук мгновенно поставил ему диагноз «гипертония».

Как только Крук вошел, Форстер ядовито изрек:

– Ну, что с вами стряслось? Справку у меня просить вроде нет необходимости. Вы совершенно здоровы. Я уже устал от всех этих симулянтов.

– Ну, это радует, – добродушно отозвался Крук, кладя на стол свой котелок.

Низенький доктор посмотрел на него свирепым взглядом.

– Какого черта вам нужно?

– Ни справки, ни укрепляющего средства. Моя фамилия Крук, я адвокат, и мне нужна от вас кое-какая информация – об убийстве.

– Какого черта! – повторил доктор, но на этот раз посмотрел на посетителя более настороженно. – Я ничего не знаю ни о каком убийстве.

– Ах, перестаньте, – возразил Крук. – Никогда еще не встречал врача, который хотя бы однажды не заподозрил убийство одного из больных. Все здоровяки, что пишут детективные романы, неустанно на этом настаивают.

– Возможно, сэр, – начал закипать доктор, – вы не совсем понимаете, что я человек занятой.

– Уверен, что так. И я тоже. Так что мы оба люди занятые. Поэтому перейду сразу к сути. Я расследую дело женщины, умершей во время эпидемии гриппа в восемнадцатом году. Вы подписывали ее свидетельство о смерти. Возможно, вы вспомните...

Доктор Форстер стал похож на аэростат в процессе его наполнения.

– Вы хоть представляете себе, сэр, число людей в одном только Хемпстеде, умерших от гриппа во время той эпидемии?! – прогремел он.

– Это вы мне будете рассказывать, – дерзко отозвался Крук.

– И вы при этом надеетесь, что я вспомню один конкретный случай?! – Теперь он походил на готовый взорваться аэростат.

– Ситуация с ней оказалась необычной, – сказал Крук. – Во-первых, она была лежачим инвалидом, а во-вторых, являлась женой вашего коллеги-врача по фамилии Филлипс. Это вам ни о чем не говорит?

Стало совершенно очевидно, что говорит.

– Да, я ее помню, – пришлось признаться Форстеру. – Но не потому, что она умерла от гриппа. В ее случае нет ничего необычного. Остановка сердца, что случалось сплошь и рядом.

– Это по вашему мнению? Но можете ли вы вспомнить, видели ли вы ее тело? Это очень важно, – добавил Крук, когда Форстер начал привставать со стула с явным намерением вышвырнуть его вон.

– Не знаю, сэр, кто вы такой, черт подери... – начал он, но Крук прервал его, сказав:

– Ну, я полагаю, что вам лучше поговорить со мной, нежели с полицией.

– С полицией? – уставился на него Форстер.

– Давайте я вам все объясню. Если вы помните этот случай, вы, вероятно, не забыли, что у миссис Филлипс была компаньонка по фамилии Керси.

Доктор громко засопел.

– Я не помню, как звали ту женщину.

– Но вы все-таки не отрицаете, что компаньонка была.

– Это я помню. Филлипс был против этого с самого начала. Он считал – и оказался прав, – что все эти женщины делали его жене куда более истеричной, чем она могла бы быть в их отсутствии.

– Боже мой! – вздохнул Крук. – Боюсь, он был не очень-то сочувствующим мужем.

– Куда более сочувствующим, черт подери, чем большинство мужчин, окажись они на его месте. Миссис Филлипс относилась к тем женщинам, которым нечего делать и у которых нет настоящих подруг, так что она вообразила себя инвалидом. Многие женщины так поступают. Это заменяет им карьеру. Ни детей, ничего. В наши дни, полагаю, она отправилась бы на Харли-стрит, где за двадцать пять гиней какой-нибудь нахальный психоаналитик диагностировал бы у нее депрессию и еще бог знает что.

– Возможно, – примирительно произнес Крук, – что этот нахальный психоаналитик оказался бы прав.

– В каком смысле? – резко спросил Форстер.

Крук открыл портсигар.

– Не было ли каких-нибудь разговоров о самоубийстве? – предположил он.

– Не знаю, откуда вы нахватались таких идей! – воскликнул Форстер. – В этом нет ни слова правды.

– Нет? Забавно, как быстро распространяются слухи.

– Кто вам это в голову вбил?

Крук подался вперед. Теперь он вел себя как простодушный человек, который не распознает обмана, если его не поднесут на тарелочке.

– Темное там дело было, не так ли? Послушайте, миссис Филлипс была дамой, независимой в своих финансовых средствах.

– Не знаю, откуда у вас подобные факты, сэр, – отрывисто бросил доктор, – но так уж получилось, что мне известно, что у нее не было ни гроша. Любой, кто наблюдал ее профессионально в частной обстановке, должен был это знать.

– Странно, – задумчиво протянул Крук. – А вы знали, что она оставила своей компаньонке пару тысяч фунтов?

– Вас кто-то водит за нос, – с отвращением ответил Форстер.

– Это факт, – невозмутимо возразил Крук. – Компаньонка на эти деньги агентство открыла.

– Такое совершенно исключено, – категорично заявил Форстер.

– Будь по-вашему, – согласился Крук. – Однако факт остается фактом. Когда она пришла к миссис Филлипс, у нее не было ничего, кроме жалованья, а когда она ушла менее чем через два года, у нее было две тысячи фунтов. Если они не взялись из кошелька миссис Филлипс, то тогда их наверняка дал ей ее муж. В доме больше никто не мог владеть подобной суммой.

– А с чего это вы взяли, что он хотел ее поддержать? Господи! – добавил он, когда ему в голову пришла еще одна мысль. – Вы же не думаете, что между ними существовала некая связь? Ей же было пятьдесят лет, никак не меньше.

– Ну, значит, должно присутствовать что-то еще, если исключить романтические отношения, – настаивал Крук.

– Послушайте моего совета, – свирепо процедил Форстер, – и не ворошите прошлое. Миссис Филлипс умерла, а ее муж женат на другой двадцать лет. К тому же кому какое дело?

– Я же вам говорил – полиции.

– Сейчас полиция не станет расследовать то, что могло произойти двадцать два года назад.

– Значит, вы думаете, что это может быть правдой – что она совершила самоубийство?

– У меня нет никаких причин считать, что это так. На самом деле, насколько я ее помню, она бы ни за что не решилась наложить на себя руки.

– И оставить мужа свободным? Хм, а в ваших словах, возможно, что-то есть.

– Послушайте, – нетерпеливо произнес Форстер, – в чем же тут, наконец, дело?

– Вы знали, что она с ним в сговоре? – спросил Крук. – Я о мисс Керси.

– Керси? Ах да, компаньонка. Ну, я вряд ли бы вспомнил, как ее зовут. Я бы даже не узнал эту женщину, если бы встретил.

– Уверен, что не узнали бы, – тихо проговорил Крук. – Особенно в ее теперешнем состоянии.

– Вы хотите сказать, что она?..

Крук кивнул.

– Вот поэтому-то они и поднимают всю прежнюю историю. А история там еще какая, уж верьте слову. А самое интересное, похоже, начинается со смерти миссис Филлипс.

– Значит, так, – твердо начал Форстер. – Пожалуйста, уясните себе, если можете. Я ничего не знаю о смерти миссис Филлипс, в том смысле, что мне не известно ничего из ряда вон выходящего. Я лечил ее от гриппа, мне сообщили, что она умерла от остановки сердца. Ничего необычного в данных обстоятельствах не было, и я прислал свидетельство о смерти.

– Вы прислали свидетельство? Вы не поехали и не осмотрели ее?

– Будь вы в то время врачом, знали бы, что мы не могли позволить себе стоять у кроватей умерших, – мрачно отрезал Форстер. – Я лечил эту женщину...

– Вы ожидали, что она умрет?

– При гриппе нужно быть готовым к любым неожиданностям, – уклончиво ответил Форстер. – В любом случае, я убежден, что самоубийства она не совершала. Не из тех она была.

– Но она была из тех, кого самих иногда убивают, – тихо произнес Крук.

– Ну ладно, будь по-вашему, – терпеливо сказал Крук. – Кто-то дал мисс Керси две тысячи фунтов, и это явно не было чистой благотворительностью. Уж мне-то не рассказывайте. Я слишком долго в адвокатуре.

Пару минут Форстер переваривал услышанное. Потом спросил:

– Черт подери, какой смысл теперь вытаскивать на свет это дело? Мисс Керси причиняет кому-то неприятности?

– Это ей кто-то причинил большие неприятности.

Лицо Форстера посуровело.

– Не сомневаюсь, что она их заслужила.

– Убийцы обычно их заслуживают, – в своей циничной манере согласился Крук.

Доктор вытаращил на него глаза.

– Что вы сказали?

– Хотите, чтобы я повторил? – осведомился Крук. – Думаю, не надо. Ну, теперь-то вы понимаете, почему мы ворошим прошлое?

– Вы хотите сказать, что кто-то убил мисс Керси?

– Во всяком случае, так считает полиция.

– Но... зачем втягивать в это Филлипса?

– Дорогой мой, он уже втянут. Уже двадцать лет, как втянут. Она приехала в Лондон, чтобы с кем-то увидеться. Мы пока не можем сказать, с кем именно.

– Но вы полагаете, что, возможно, с Филлипсом?

– Может быть, – пробормотал Крук. – О, да, еще как может быть.

Форстер начал привставать со стула.

– Когда же, черт подери, все это кончится?

– Вас никто обвинять не собирается, – успокоил его Крук. – И если Филлипс предоставит весомые аргументы, почему он помог мисс Керси встать на ноги в бизнесе, его никто не побеспокоит. Вопрос в том, сможет ли он их предоставить.

После того как посетитель ушел, доктор Форстер несколько минут сидел неподвижно. Вопросы Крука и подозрения, которые тот не считал нужным скрывать, пробудили в нем воспоминания. Нет, он был убежден, что не видел миссис Филлипс. Ну а зачем ему? Филлипс меньше всего был способен на темные делишки. Он мог не очень заботиться о своей жене, и тут не Форстеру его винить, но уж точно заботился о своей профессиональной репутации. Форстер вспомнил, как его охватила растерянность, когда он узнал, что его недавний коллега женился на дочери своего пациента меньше чем через два года после смерти жены. Но в итоге, говорил он себе, нельзя же ждать от человека, что тот до конца своих дней проживет вдовцом. А где врачу повстречать свою невесту, как не в доме у пациента? И тем не менее тревога его не покидала. Приходивший к нему субъект вел себя напористо и дерзко. Можно не сомневаться, что он докопается до всего. В свое время Форстер немного удивился, узнав о внезапном отъезде Филлипса из Хемпстеда. Да и вокруг болтали разное. Если бы это был идеальный брак и Филлипс не смог дальше жить на прежнем месте без нее, тогда это было бы понятно, а все другие объяснения оказались менее убедительными. Рассказ о двух тысячах фунтов довольно сильно потряс Форстера, хотя с брезгливым выражением лица он и выразил полное неверие такому факту. Но все же казалось маловероятным, что Крук проехал до самого Хемпстеда, чтобы разыгрывать неуклюжую мистификацию.

Форстер настолько погрузился в свои размышления, что ассистентке пришлось потрясти его за руку, чтобы вернуть к реальности и ожидавшему врача пациенту.

Глава 6

*Мне всего лишь разузнать.
Чарлз Диккенс. Дэвид Копперфилд*

I

Крук, вооружившись информацией о том, где обитает доктор Филлипс, без особого труда разыскал его. На этот раз ему повезло меньше, чем при первом «заходе», и пришлось на некоторое время охладить свой пыл, пока врач принимал больных. Однако он был не из тех, кто попусту потеряет хотя бы полчаса. В приемной оказались ассистентка и пара посетителей, с которыми он разговорился. Из их слов следовало, что доктор Филлипс был популярным врачом и приятным в общении человеком. Когда наконец Крука пригласили в его кабинет, это впечатление подтвердилось. Филлипс оказался высоким, худощавым человеком с изящным узким лицом и легкой хромотой, памятью о Первой мировой войне. Он, как Крук узнал из своих расспросов, служил на фронте полевым хирургом в 1914–1915 годах и вернулся домой в канун 1916 года «негодным к дальнейшему несению службы».

– Вы выглядите здоровым человеком, – поприветствовал он своего посетителя. Крук, никогда не общавшийся с врачами, заключил, что подобное язвительное приветствие было сделано на автомате. – Надеюсь, вы не собираетесь мне рассказывать, что с вами что-то не так.

– Я пришел не как пациент, – признался Крук. – Я здесь в связи с делом некоей мисс Керси, в свое время являвшейся компаньонкой вашей первой жены.

Сидевший перед ним человек как будто окаменел. Он кивнул в сторону стула, и Крук сел. Затем доктор Филлипс спросил:

– Какие отношения связывают вас с мисс Керси?

– Я адвокат – спросите любого к востоку от Чаринг-Кросс. Или можете поспрашивать в Скотленд-Ярде. Я там тоже человек небезызвестный. Племянник мисс Керси является моим клиентом.

– Боюсь, что не могу вам помочь, – с озадаченным видом ответил Филлипс.

– Мисс Керси пару дней назад приехала в Лондон, намереваясь нанести несколько визитов.

– Со мной увидеться она не собиралась, – отрезал Филлипс.

– Ну, это один из вопросов, которые мне хотелось бы прояснить. Видите ли, мы пытаемся разыскать всех, кто мог бы нам помочь.

– Вы хотите сказать, что она... исчезла?

– Ну, на некоторое время да, но потом пришлось вмешаться полиции, а там свое дело знают. Они скоро нашли ее, однако, естественно, у них возникла масса вопросов.

– Вы хотите сказать, что она мертва?

– Мертвее не бывает, – мрачно произнес Крук. – Я полагаю, вы поддерживали с ней контакты, после того как она в конце восемнадцатого года перестала служить у вас?

Сначала Филлипс готов был все отрицать. Однако он бросил эту мысль, еще раз посмотрев на Крука.

– Собственно говоря, время от времени она просила о помощи. Сейчас она, наверное, совсем уже старуха, и у меня не хватало смелости отказать...

– Она была совсем не старухой, когда вы преподнесли ей подарок в виде двух тысяч фунтов, – прямо заявил Крук.

– Я... – Доктор, похоже, передумал все отрицать. – Кажется, она вам все рассказала.

– Итак, я не думаю, что вы дали их ей из чистых сантиментов, – продолжил Крук, «пришпорив коня». – Она находилась при вашей жене меньше двух лет и была не вправе что-то от вас требовать. Однако совершенно естественно, если этот факт всплывет, что очень вероятно, вам, вне всякого сомнения, зададут множество неприятных вопросов.

– А отчего вы полагаете, будто что-то всплывет, как вы выразились?

– Ну, – начал Крук, стараясь говорить как можно убедительнее, – а сами-то вы как думаете? Припомните факты. Эту женщину нашли мертвой при чертовски подозрительных обстоятельствах. Короче говоря, после насильственной смерти.

– Это меня никоим образом не касается, – запротестовал Филлипс. – Она была очень непонятной женщиной. Я не сомневаюсь, что она нажила себе множество врагов...

– Вот только полиции так не говорите, – сухо предупредил его Крук. – Ведь, скорее всего, придется много и часто общаться с полицейскими. По всей видимости, она была женщиной с массой тайн, и, разумеется, им захочется узнать о ней как можно больше. Рано или поздно они проследят ее жизненный путь и упрутся в ваш дом...

– Не понимаю, откуда у вас такая уверенность в этом? – пробормотал Филлипс.

– Ну, во-первых, при ней по-прежнему живет ваша бывшая экономка Уотсон.

Филлипс криво улыбнулся.

– Она обезопасила себя со всех сторон, не так ли? Разумеется, Уотсон верит всему, что Керси заблагорассудится ей сказать.

– И тем не менее, – протянул Крук, – не будучи полной дурой, Уотсон сделала свои выводы.

– Какие именно? – резким тоном спросил Филлипс.

– Ну, – несколько извиняющимся голосом ответил Крук, – она все-таки понимает, что ваша первая жена не оставляла своей компаньонке две тысячи фунтов по одной простой причине: у нее этих денег не было.

Филлипс глубоко вздохнул. Крук с напряженным вниманием наблюдал за ним.

– Понимаете, к чему это вас приводит? – спросил он.

– Ну, хорошо, – произнес Филлипс, внезапно выбрасывая белый флаг, – вот вам вся правда. Я дал Керси деньги, чтобы спасти доброе имя моей жены и, соответственно, свое собственное. Врачу никогда не идет на пользу, если ползут слухи о том, что его жена покончила с собой.

– Ах, вот оно как вышло. А в свидетельстве о смерти фиксируется остановка сердца вследствие гриппа.

– Форстер тут не виноват. Он буквально валился с ног. Поэтому я ему позвонил, и он прислал свидетельство о смерти. Всё в полном порядке. Мы так все время делали. Государство не могло демобилизовать врачей из армии, чтобы бросить их на борьбу с эпидемией гриппа. Это открывало беспрецедентные возможности бессовестным и беспринципным субъектам. – Когда Филлипс говорил, у него дрожали губы.

– И «субъектам» тоже, – согласился Крук. – Однако следует принять во внимание то, что грипп повергает больных в очень подавленное состояние, а ваша жена к тому же была инвалидом. Учítывая, что сразу после окончания войны большинство людей находилось не в здравом уме, для вас признание в том, что она приняла смертельную дозу лекарства, имело бы разрушительные последствия?

– Вы упускаете самое важное, – терпеливо проговорил Филлипс. – В тех обстоятельствах не могло существовать доказательств того, что она покончила с собой. Более того, настаивать на подобном выводе означало бы приписать ей такую ненависть и злобу, которую ни один человек, пусть даже самый бездушный, не смог бы спокойно выносить.

Крук с хитрецей поглядел на него.

– То есть вы мне говорите, что на самом деле не знаете, как умерла ваша жена?

– Совершенно точно, не знаю, – медленно ответил Филлипс. – Хотя, будь вы из полиции, я сказал бы, что это было самоубийство на почве психического расстройства.

– Но вы не смогли бы доказать, что все не произошло... как-то иначе?

– Нет, – очень тихо ответил Филлипс. – Не смог бы.

– А у вас нет желания рассказать всю правду? И запомните, я ведь адвокат, а не полицейский.

– Но... вы на их стороне?

Крук осклабился.

– Крук на стороне полиции? Вот вы им это скажите, а потом полюбуйтесь на их физиономии.

– Полагаю, я вполне мог бы изложить вам все факты, поскольку представляется вероятным, что они, скорее всего, все равно выплывут наружу. На самом деле Керси не выкладывала козырей до самого окончания похорон.

– Начните с самого начала, – настоятельно посоветовал ему Крук. – Откуда у нее вообще взялись козыри?

– Ей было вполне достаточно сложившихся обстоятельств. Малейший намек на... преступление... особенно в доме врача... означает полный крах репутации этого человека. Даже слух об убийстве сказывается на практике врача, подрывает ее, бог знает отчего.

– Нечистая совесть, – быстро пояснил Крук. – Обычный человек никогда не уверен на сто процентов, что сам не съедет с катушек и не станет доверять врачу, который уже проморгал одно убийство.

– Возможно, вы и правы. Тем не менее факты таковы. Моя жена заболела гриппом, как и несколько тысяч других людей. Мы с Форстером считали, что кризис миновал и она определенно идет на поправку. Разумеется, она много говорила о том, что стала обузой и вот-вот умрет. Врачи слышат массу подобных слов, так что я особо не обращал на это внимания. Но в тот последний вечер, когда я после ужина поднялся взглянуть на нее, она беспрестанно твердила об этом.

У меня был срочный вызов, ведь даже во время эпидемий люди продолжают ломать ноги, рожать детей или подхватывать корь. Мюриель попросила подать ей снотворную микстуру, говоря, что Керси зачастую настолько погружена в свои дела, что все время об этом забывает и ее приходится просить. Я напомнил ей, что мы наняли Керси именно для подобной работы, но она сказала: «Знаю, но терпеть не могу постоянно кому-то докучать». Я достал пузырек и стакан, поставил их рядом с кроватью, а потом она попросила меня налить микстуру. Форстер назначил довольно сильный препарат, и я сказал ей, что принимать его нужно с осторожностью. Она ответила, что пьет микстуру, только когда чувствует себя совсем измученной, но сегодня уверена, что на ночь лекарство ей понадобится. Я налил микстуру и убрал пузырек в ящик с медикаментами. Пузырек был полон примерно на треть. Когда я спустился в коридор, мне встретилась Керси, сказавшая, что моей жене, кажется, уже лучше. Я ответил: «Да, но я хочу, чтобы Мюриель успокоилась, потому что мне она показалась немного истеричной». Сообщил, что налил ей снотворную микстуру и, по-моему, будет лучше, если она пораньше отойдет ко сну. Потом я уехал.

Вернулся я лишь около шести часов утра. Ребенка, к которому я ездил, пришлось очень долго приводить в сознание, затем поступил вызов из дома семейства Шоу, где умирала старая леди, просившая меня приехать, если я смогу. Я отправился туда примерно в четыре часа и успел, как выяснилось, вовремя. После этого, как я уже говорил, в шесть часов утра вернулся к себе домой. В прихожей мне встретилась Керси. Она сразу же сказала: «Ой, доктор, я волнуюсь за миссис Филлипс. Мне кажется... боюсь... что-то случилось». Полагаю, – добавил Филлипс, но так, как будто сам не очень верил, – что вы, юристы, иногда устаете до предела. В ту ночь я мог уснуть прямо на ходу. Я почти сутки был на ногах. Керси не могла выбрать

худшего момента (с моей точки зрения) или наиболее благоприятного (с ее), чтобы взорвать заготовленную бомбу.

Крук кивнул. Он знал, что последует дальше, и симпатизировал врачу, на этом этапе еще не решив, является тот убийцей или нет.

– Естественно, – продолжал врач, – я сразу же спросил, что она имеет в виду, и та ответила: «Я не могу ее разбудить. Она какая-то вся ословелая». Я спросил, посылала ли она за Форстером, а она ответила как-то странно и непонятно: «Я думала, что лучше бы, наверное, подождать, пока вы вернетесь. Я пыталась с вами связаться, но не знала, где вы». На самом деле я говорил, что могу заехать к семейству Шоу, но когда я напомнил об этом Керси, та ответила: «Я знаю, но мне казалось, что мне лучше вам туда не звонить». Я не стал спорить, но поднялся в комнату к жене. Разумеется, не было ни малейших сомнений.

Он умолк, глядя на Крука.

– Ну, такое случается, – Крук сказал это очень равнодушно, и Филлипс, так и не дождавшись более сочувственных слов, продолжил свой рассказ:

– Я спросил Керси, когда она в последний раз видела мою жену. Та ответила: «Около десяти часов вечера, когда мисс Мюриель выпила снотворную микстуру и сказала, что я не нужна, пока она не позвонит».

– А она звонила?

– По всей видимости, нет, но Керси зашла к ней в комнату около пяти. Как правило, она любила выпить чаю в пять часов. И как только она оказалась там, сразу поняла, что случилась беда. Ну, я удивился, но не слишком. Состояние возбудимых людей похоже на игру «змейки и лесенки». Ты то на подъеме, то сразу скатываешься вниз, но я не ожидал подобного развития событий. Я слишком долго работаю врачом, чтобы понимать, что никогда нельзя быть уверенным на все сто. Я сказал Керси: ей лучше позвонить Форстеру и сообщить ему, что произошло. Она спросила: «В том смысле, что вы хотите, чтобы он подъехал?» На это я ответил, что вполне достаточно, если он пришлет свидетельство о смерти, поскольку в этом случае он был постоянным лечащим врачом. – Доктор снова умолк. Затем он продолжил, тщательно подбирая слова, как будто каждое из них имело огромное значение: – Она сказала: «В том смысле, что вы бы предпочли, чтобы я сказала ему не приезжать». Сначала я не понял и ответил: «Когда он валится с ног, как все мы, нет необходимости настаивать на том, чтобы он явился лично». Керси кивнула и пробормотала как-то задумчиво: «Нет, полагаю, нет». Однако она не сделала ни шага к телефону, и я несколько резко сказал: «Можете начинать звонить прямо сейчас». Керси лишь поглядела на меня. «Ну, – произнес я, – в чем же дело?» Она ответила: «Доктор, вы вчера вечером наливали миссис Филлипс снотворную микстуру. Заметили ли, сколько оставалось в пузырьке?» Я ответил: «Примерно треть. Точнее сказать не смогу». Она кивнула: «Так я и думала. А вот взгляните на пузырек сейчас». Керси подошла к шкафу и вынула его. Он оказался совершенно пуст.

– Для мисс Керси все было очевидно, – одобрительно заметил Крук.

– Она загнала меня в угол и знала это, – согласился Филлипс. – Я спросил ее, где она нашла пузырек, на что та ответила – в шкафу. Я сказал: «Кто с ним что-то делал?» А она молча поглядела на меня. Вы понимаете мое положение?

– Незавидное, – согласился Крук. – Есть только три варианта. Или вы налили смертельную дозу, или ваша жена встала и добавила себе еще в надежде, что это вас погубит, или это дело рук Керси.

– Моя жена не позволила бы Керси как-то манипулировать с той дозой, что я ей налил, – отрезал Филлипс.

– Предположим, что Керси увидела свой шанс, и она решила просто опрокинуть стакан. О, я признаю, что это рискованно, но она дама, привыкшая так к риску. Или же... возможно,

ваша жена умерла вовсе не от передозировки снотворного, а Керси воспользовалась случаем и просто вылила остатки микстуры.

– При дознании все бы выяснилось, – медленно проговорил Филлипс.

– Вся штука в том, могли ли вы себе позволить довести все до дознания? Обязательно вскрылся бы тот факт, что пузырек был пуст, и сплетники принялись бы чесать языками. Они это делают проворнее, чем псы блох вычесывают. Нет, думаю, Керси знала, что вы не станете ее разоблачать – если она вообще блефовала. А что дальше?

– Три дня ничего не происходило. По окончании похорон я начал строить планы. В Хемпстеде оставаться я не намеревался. С ним меня связывало слишком много печальных воспоминаний, и мне представился случай купить эту практику, тогда как от моей можно было без труда избавиться. Мой партнер хотел ввести в дело сына, и все складывалось очень удачно. Я уведомил всю прислугу, и если кто-то выглядел странно, то тогда мне это не казалось чем-то важным. Керси все разыграла как по нотам. Вся прислуга ее любила, особенно Уотсон. Я всегда подозревал, что Керси втиралась в доверие к моей жене. Несомненно, дела мои усложнились еще больше после ее появления у нас. Хотя даже тогда я не отдавал себе отчета в том, что она задумала.

– Вот вам невинная душа, – безнадежным голосом заметил Крук. – Ни один преступник не ведет себя так глупо.

– Естественно, я уведомил Керси вместе с остальной прислужгой. Это не могло ее удивить. Она понимала, что ей не найдется места в моем доме, когда я стал вдовцом. Я выдал ей чек на ежемесячное жалованье и сказал, что она может обратиться ко мне за рекомендациями. Чек Керси не взяла – вы никогда не думали, насколько глупо выглядит человек, протягивающий что-то тому, кому это неинтересно? – а потом сказала: «Мне уже за пятьдесят, доктор Филлипс. Я становлюсь старой, чтобы работать в домах у других людей». Мне стало не по себе, не знал, что на это ответить. Она продолжила: «Если я когда-нибудь соберусь начать собственное дело, то это моя последняя возможность. Через пять лет будет слишком поздно». Я ради приличия спросил: «А какое дело пришлось бы вам по душе?» Керси тотчас ответила: «Думаю, мы должны понять друг друга, доктор Филлипс. Я думала открыть агентство по трудоустройству, но для этого, разумеется, нужен первоначальный капитал». Я спросил, понравится ли ей это на самом деле, это же большая ответственность, а она ответила: «О, я привыкла к ответственности, и в моей работе учишься осторожности. По-моему, вы не представляете, что это значит – все время быть у кого-то на побегушках», – закончила она.

– А вы адвоката не привлекали? – сочувственно поинтересовался Крук. – В итоге все могло обойтись гораздо дешевле.

Филлипс покачал головой.

– В сложившихся обстоятельствах это было невозможно. Керси продолжала: «Это будет стоить две тысячи фунтов, доктор Филлипс». «Ну, – ответил я, – а вы знаете, где можно взять такие деньги?» Она сказала: «По-моему, я смогу их собрать. Может, вы поучаствуете?» Сказать, что я был ошарашен – значит, не сказать ничего. Заметьте, мне никогда не нравилась эта женщина, я считал, что она дурно влияла на Мюриель, однако никогда не казалась мне чрезвычайно опасной. Я спросил: «Вы можете назвать мне хоть одну причину, по которой я должен помогать вам в начале вашего дела?» Потому что стало совершенно ясно, что именно она имела в виду, и она сказала... – Филлипс замялся, и Крук закончил за него:

– Не надо продолжать. Эту песенку мне мама на ночь пела. У нее есть что-то, что вам, возможно, захочется купить. Так примерно, да?

Филлипс кивнул.

– Научивший людей письменности причинил больше бед, чем Гитлер, – пробормотал Крук. – Полагаю, там фигурировали письма...

– Господи, как они могли попасть к ней в руки – этого я не узнаю никогда. Однако факт остается фактом, они существовали, и она предложила продать их за две тысячи фунтов первому же покупателю.

– А письма так дорого не стоили никому, кроме вас.

– Для меня они стоили все два миллиона.

Крук посмотрел в окно.

– А автором писем являлась... теперешняя миссис Филлипс? – предположил Крук.

Филлипс кивнул.

– Полагаю, вы настроены до всего докопаться. Ну, вы видите мое положение?

– Стрелять в сидящую птицу неспортивно, но искушение велико, – мрачно ответил Крук. – Итак, вы дали ей две тысячи? И на этом все кончилось?

– От нее не было никаких вестей, пока я не женился на мисс Шоу. Потом Керси написала, что ей приходится очень тяжело, возможно, оттого, что все видели, что она служила у меня в доме... Ну, вы знаете, как это бывает.

– А вам не пришло в голову ей отказать?

– Я не мог себе этого позволить.

– По-моему, вы сказали, что она отдала вам письма.

– Да, но не негативы. Она их все сфотографировала, прежде чем отправить мне.

– И теперь греет руки на том, что продает негативы?

– Да. У нее оставался еще один.

– И было предложение его купить?

– Да.

– Когда вы ее ждали?

– Керси никогда конкретно не договаривалась о встрече, просто приходила, когда ей хотелось. Ничего, что ждут больные, она сама выбирала время...

– Полагаю, ей хотелось заполучить кругленькую сумму за последний негатив в своей коллекции, так сказать, ее жемчужину?

Филлипс кивнул.

– Вы собирались ей заплатить?

– Нам надо было договориться о цене, но, по правде говоря, она так и не появилась. Ну, вот и вся история. Знаете, – добавил он, вставая, – я бы не удивился, если бы она сделала это своим постоянным занятием – я имею в виду шантаж.

Крук поглядел на него с некоторым восхищением.

– Жаль, что вы не были столь же сообразительны двадцать лет назад, – заметил он. – Собственно говоря, я бы тоже этому не удивился.

II

Ассистентка доктора Филлипса объявила, что его ждет очередной пациент, нетерпеливый, страдающий подагрой господин, и Крук, поняв намек, вернулся к себе в контору.

– Я тут кое-что накопал на твое дивное агентство, – равнодушным тоном сказал Билл. – Эта твоя мисс Керси, похоже, была довольно опасным человеком. Так что неудивительно, что она закрыла его весьма спешно. Удивительно другое – что ей так долго удавалось оставаться безнаказанной.

– Думаю, она обеспечила себе надежное прикрытие, – немного туманно ответил Крук, вешая шляпу на крючок у двери: верный признак того, что он намеревается заняться делом.

– Она специализировалась на найме временной прислуги, дамской камеристки и все такое. Можно всегда найти кого-то, разумеется, за высокое жалованье, но если речь заходила об «Агентстве Кей», то вы могли рассчитывать, что получите профессионала. Работало все сле-

дующим образом. Мари, Альфонс или мисс Смит являлись к вам с превосходными рекомендациями и оставались у вас, скажем, на полгода. После того как он или она переходили на другую работу, начинали происходить неприятные события. Бывшая нанимательница – обычно это были женщины – получала письма, напоминавшие ей о неблагоприятных поступках, которые могли обойтись очень дорого, если подвергнутся публичной огласке. Затем следовало предложение, что, возможно, куда дешевле встанет оплатить автору письма его молчание. Иногда прилагались фотографии писем.

– Всегда старайся найти свой фирменный стиль, – пробормотал Крук. – Теперь я начинаю понимать, как мисс Керси собрала свою милую коллекцию.

Билл кивнул.

– Ты же знаешь, как все у людей выходит. Даже реже, чем у одного из ста, хватит духу обратиться в полицию – боязнь дурной славы, надо думать о семье, да еще и сплетни пойдут. Как правило, как только поступали деньги, компромат возвращали. Но иногда даже без конкретных свидетельств можно сорвать очень большой куш, и мисс Керси, похоже, знала ответы на все вопросы. Разумеется, она выбирала своих клиентов с огромной осторожностью. Время от времени она пригревала никчемных людей, но вскоре выставляла их за дверь. Очень часто у других сотрудниц возникали с ними трения, вроде той племянницы, которую выгнали за мелкую растрату. У нее не осталось надежд найти другую работу с приличным жалованьем. Мисс Керси послала ее «в поле», чтобы увидеть, что она сможет вызнать. Если через полгода ничего не светило, работница уведомляла хозяев об уходе. О некоторых домах, конечно, можно было почти сразу выяснить, что там ничего не выгорит, и тогда служанка говорила, что ей слишком скучно, или же у нее заболела мать, или же просто она чувствует себя не в своей тарелке. Но такое случалось нечасто, поскольку мисс Керси не хотелось обрести репутацию, что у нее капризная прислуга. Она имела дело лишь с большими домами с обширным штатом прислуги, и ей особенно нравились дома, где по выходным устраивали приемы и разные вечеринки. Приемы и вечеринки по выходным дают массу информации для шантажистов, и есть огромная доля правды в поговорке, что у каждого в шкафу свой скелет. Разница между скелетами состоит в том, что одни стоят больших денег, а другие можно вывешивать на куполе собора Святого Павла, но и там их никто не заметит.

– Я догадывался, что тут замешано что-то вроде этого, – произнес Крук. – Ну, наверное, это было прибыльное предприятие, пока оно работало.

– Нет ничего более дорогостоящего для обеих сторон, чем шантаж, по крайней мере, так мне говорили, – согласился Билл, не обладавший этой информацией. Он был похитителем драгоценностей, а подобный «специалист» – это джентльмен, который никогда даже рядом с шантажистом не встанет.

– Думаю, ей приходилось платить своим людям огромные деньги, – задумчиво проговорил Крук. – Иначе они могли заняться подобными делишками самостоятельно.

Однако Билл возразил:

– Даже шантажисту нужны крепкие нервы и хорошая выдержка, если работаешь в одиночку. Если тебя накроют, то тебе конец. Интересно, сможем ли мы что-то выудить из племянницы.

– Не сможем, если только у нее не куриные мозги, – ответил Крук. – Так как все-таки агентство закрылось?

– Рано или поздно события должны были начать развиваться подобным образом. Заметь, мисс Керси наверняка была очень умной женщиной. Она старалась не посылать своих людей в дома, которые постоянно поддерживают друг с другом связь и могут сравнить послания, сделать собственные выводы. Однако в одном случае она дала промашку. Одна из ее сотрудниц, мисс А, стала работать компаньонкой-секретаршей у леди Зет. Через какое-то время она уволилась – заболевшая мать или нечто вроде этого, – а вскоре после ее ухода леди Зет начали

приходить загадочные письма. Она расплатилась – одному богу известно, как именно – и надеялась, что вопрос закрыт. Чуть позже, приехав к подруге в ее загородное поместье, леди Зет обнаружила там мисс А в качестве секретарши. Она расспросила ее о матери, о том о сем, а потом случайно обмолвилась в разговоре, что мисс А в свое время у нее работала. Это не имело бы никакого значения, если бы мисс Керси поняла, что две нанимательницы встречались, но можно предположить, что девушка не упомянула об этом факте. Ну, дальше все пошло как обычно.

Мисс А уволилась, потому что ей пришлось вернуться в Лондон по семейным обстоятельствам. И вскоре после этого все происходило как по накатанному. Но в этом случае несчастная женщина оказалась финансово зависимой, ей надо было с кем-то поделиться, и она решила поведать свою историю леди Зет. Та же, не будучи круглой душой, начала увязывать факты. Когда миссис Икс сказала: «Представить себе не могу, как кто-то мог узнать. Я была чрезвычайно осторожна», леди Зет, тоже считавшая себя осторожной, начала искать общий знаменатель и обнаружила... мисс А. Дамы все тщательно обсудили, и им показалось чертовски подозрительным, что их истории совпадали до малейших деталей. Затем леди Зет поступила так, как ей следовало бы поступить годом раньше. Она набралась смелости, направилась к мисс Керси и спросила, есть ли у нее какие-либо рекомендации по поводу мисс А. Леди Зет добавила, что хотя и чрезвычайно не любит делать выводы неприятного свойства, но из ее дома исчезли некие важные бумаги примерно в то же время, как оттуда уволилась мисс А. Обвинений она не выдвигала, поскольку не располагала доказательствами, однако то же самое произошло и с ее подругой, у которой также служила мисс А.

– Мисс Керси, разумеется, предоставила великолепные рекомендации для мисс А, – прибавил Крук. – И конечно же, ранее никогда не поступало никаких нареканий.

– Ни разу, – согласился Билл. – Тем не менее уже вышедшую на тропу войны леди Зет было так же трудно остановить, как танк. Она вспомнила, что когда обратилась в агентство, чтобы найти замену мисс А, там не смогли ей помочь, и то же самое произошло в случае с миссис Икс. Насколько далеко зашел разговор, никто не может сказать с уверенностью, однако леди Зет, похоже, совершенно ясно дала понять, что намерена копать очень глубоко, используя все средства. Во всяком случае, мисс Керси, кажется, поняла, что исчерпала весь свой потенциал.

– Если бы она решилась разоблачить леди Зет, есть вероятность, что ей бы удалось выйти сухой из воды, – без всякого сочувствия произнес Крук. – У той богатый муж и двое сыновей. Она не могла позволить себе стать центром всеобщего внимания.

– Возможно, кое-что все-таки выплыло наружу. Тогда было заявлено, что у мисс Керси пошатнулось здоровье. Она оставила кого-то вместо себя – предположительно племянницу, которую ты видел в Кингс-Уиддоус. Ей мисс Керси полностью доверяла с самого начала. Разослали типовое циркулярное письмо, информировавшее клиентов, что ввиду сильного сердечного приступа владелице агентства пришлось оставить дело и удалиться в провинцию. Некий коммерсант из того же здания с радостью выкупил помещение, и «Агентство Кей» прекратило свое существование.

– А как же люди, приходившие туда искать работу?

– Бьюсь об заклад, что Клэр Керси была слишком хитра для того, чтобы оставить им хоть что-то, если они могли бы повесить это на нее в суде. К тому же они сами были во всем этом замешаны. Похоже на то, что большинство ее жертв и по сей день не знают, как с ними все провернули и кто этим заправлял.

– Нет худа без добра, – философски изрек Крук, – подумай обо всех тех людях, что смогли спокойно спать теперь, когда новости выплыли наружу.

– Если они не знают, что могут спокойно спать, это им не поможет, – возразил Билл.

Но Крук уже переключился на свою любимую тему:

– Нехорошо с полицией получается. Им нужно проявлять больше инициативы и сообразительности. Ведь подобное убийство приносит обществу больше пользы, нежели вреда. Им надо принять это во внимание, когда они станут передавать своего злодея в суд. Но не передадут, Билл. Уж поверь мне, не передадут.

И он тоскливо вздохнул по поводу грязных пятен на сверкающем мече Фемиды.

Глава 7

*На «почему» всегда находится причина.
Поговорка*

I

Флора Керси прибыла в Лондон для дознания, сопровождаемая упрямой Уотсон. Экономка утверждала, что знала мисс Керси дольше, чем любой из них, и она не могла в такое время остаться в Кингс-Уиддоус. Она не напрашивалась ехать с мисс Флорой и сама бы заплатила за билет, чтобы явиться на дознание. Там также присутствовал Хилл Грант. Увидев Флору, он подошел к ней, чтобы поговорить, однако она, очевидно, грубо оборвала его, поскольку через минуту молодой человек отошел от нее и направился в другой конец комнаты.

На этом этапе можно было сделать не очень много. Флора подтвердила личность покойной, а девушка, Зигрид Петерсен, выглядевшая еще бледнее и сжавшаяся в комок, повторила свои показания о том, как она обнаружила тело. После этого коронер объявил, что дознание откладывается до получения результатов полицейского расследования.

Флора заметила Крук и спросила его, есть ли известия о ее двоюродном брате Теодоре.

– Он как сквозь землю провалился, – ответил Крук. – Можете делать из этого выводы.

– Я всегда знала, что он так или иначе ее погубит, – злобно прошептала Флора. – Когда прошел слух, что Теодор прошлой осенью погиб при бомбежке, то я обрадовалась. Подумала, что стало одним человеком меньше, тянущим из нее деньги. Но конечно, он оказался тем единственным во всем доме, кто в тот вечер отсутствовал, и через несколько недель, словно фальшивая монета, объявился по новому адресу.

Крук сочувственно кивнул.

– Вот тут Гитлер промахнулся, – серьезным тоном согласился он.

– В любом случае, чем же занимается полиция, если она его не нашла? – все так же мрачно продолжила Флора.

– Там делают все, что в их силах, – тактично ответил Крук. – Ведь может же он находиться там, где его не так-то легко разыскать.

– Вот это очень даже возможно, – ядовитым тоном согласилась Флора. – Это являлось слабой стороной тетушки. Ей сопутствовал успех, и она рисковала на протяжении столь долгих лет, что стала считать себя неуязвимой. Она поверить не могла, что кто-то может оказаться столь же проницательным и дальновидным, как и она, и даже осмелится себя ей противопоставить. Я ее предостерегала...

– От чего? – поинтересовался заинтригованный Крук.

– От того, что отношение к людям не должно быть основано на том, что видишь на поверхности. Но к советам она не прислушивалась. «Не учи бабушку, – говаривала она. – Как, по твоему разумению, я добилась бы своего положения, если бы не полагалась только на себя и не рисковала?» И тут она снова рискнула, но неудачно.

– Она неплохо пожила на свои деньги, – заметил Крук, стараясь говорить успокаивающим тоном.

– Ей выпало пять лет, чтобы наслаждаться тем, что она копила всю свою жизнь, – отрезала Флора. – Что ж, для своих лет тетушка держалась очень даже неплохо. И она так любила жизнь. Любила ее иронию, то, как все постоянно меняется. Она часто повторяла, что жизнь – это как плот. Никогда не знаешь, в какую секунду он резко накренится и все, кто чувствовал себя в полной безопасности, окажутся в воде. Потом тетушка улыбалась со свойственной ей

хитрецей и добавляла: «Да, но это дает шанс тем, кто уже в воде. Когда плот выровняется, кто-то исчезнет, а если ты проявишь сообразительность, то сможешь на него забраться. Помни об этом всегда, Флора». Вот так она мне говорила. «Если вода холодная и ты чувствуешь, что вот-вот пойдешь ко дну, помни, что в любую секунду плот может перевернуться и дать тебе шанс». В ней жил дух состязательности, – незатейливо добавила Флора. – Она рисковала и знала, что рискует, но по-иному жить бы не смогла.

– Разумеется, она не производила впечатления человека, который довольствовался бы мыслью о том, чтобы тихо умереть в своей постели, – согласился Крук.

Ему не хотелось продолжать разговор. Он считал, что мисс Флора вряд ли смогла бы ему что-то сказать, по крайней мере теперь. Разумеется, у него накопилась масса вопросов, верные ответы на которые, как он чувствовал, позволили бы далеко продвинуться в раскрытии тайны. Однако он вполне логично отметил, что вряд ли сможет получить верные ответы, так что оставил мисс Флору отдавать распоряжения относительно похорон.

Однако он не закончил общаться с обитателями дома в провинции. После того как он избавился от Флоры, к нему довольно робко приблизилась Уотсон.

– Прошу меня извинить, сэр, – начала она, – но я не совсем представляю, что мне делать дальше. Я подумала, что вы, как знающий законы джентльмен, смогли бы мне помочь.

– Подождите, пока огласят завещание, – посоветовал ей Крук. – Там может оказаться что-то для вас, но даже если нет, я полагаю, мисс Флора...

Но Уотсон покачала головой.

– Теперь, когда мадам нет, я больше не хочу оставаться с ней, – проговорила она. – Рядом с мадам я была почти как дома, но мисс Флора другая...

– Я понимаю, – несколько резковато ответил Крук. Он и вправду ее понимал.

У Уотсон, как и у любого человека, была гордость, и она не собиралась принимать деньги, выполнять приказания той, которая почти во всех отношениях, несмотря на кровные узы, сама была прислугой, причем нечестной. Нет, Уотсон не станет служить у мисс Флоры. Но она была уже далеко не молодая. Крук давал ей по виду лет шестьдесят семь и надеялся, что у мисс Флоры хватит совести назначить ей достойное содержание.

– А кто был у мисс Керси поверенным в делах? – продолжил Крук.

– По-моему, это вон тот джентльмен, невысокий такой. Он звонил мисс Флоре и расспрашивал о дознании.

– Вы впервые его видите?

– Да. Мисс Флора сказала ему, что они могли бы обсудить дела, когда это все закончится. О, она у нас осторожная, мисс Флора.

Однако Крук не стал на это реагировать. Он не думал, что мисс Флора много сэкономит на гонораре поверенного, сократив число его визитов.

– Ну что же, – обратился он к Уотсон, – именно он вам и расскажет, что к чему. А тем временем послушайте моего совета и поживите в Кингс-Уиддоус. Там вам предстоит много дел.

– Мисс Флора говорила о том, что собирается закрыть дом и уехать, – нерешительно произнесла Уотсон. – Но я ей сказала, что правительство его конфискует, и потом вернуть дом будет нелегко.

– В любом случае, – сухо заметил Крук, – вам неплохо бы подождать и убедиться, что дом ее и она вправе его закрывать.

– Ой, об этом я как-то не подумала. А вы считаете... ой, но мисс Флора считала само собой разумеющимся, что дом отойдет к ней.

– Ну, когда мисс Флора доживет до моих лет, она научится не считать ничего само собой разумеющимся, – добродушно ответил ей Крук. – Полагаю, дом является собственностью мисс Керси?

– О, да. Мадам его купила. Она никогда не видела смысла в том, чтобы снимать дом у кого-то и тратить на это заработанные с таким трудом деньги. После войны, думала мадам Клэр, она всегда сможет продать его с выгодой.

– Ну, если он к тому времени не развалится от старости, – согласился Крук. – И потом, разумеется, мне ничего не известно о ее отношениях с племянницей...

– Мадам далеко не во всем ей доверяла, – размеренно и четко заявила Уотсон. – Уж это я точно знаю. Я не в смысле денег или чего-то вроде этого, но... Ну, я как-то краем уха услышала, что она говорила мистеру Гранту: «Флоре не терпится занять мое место. У нее, похоже, и в мыслях нет, что на моем месте ей может прийти горячевато».

– Вам наверняка это очень понравилось, – одобительно произнес Крук. – А сами-то вы что подумываете делать дальше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.